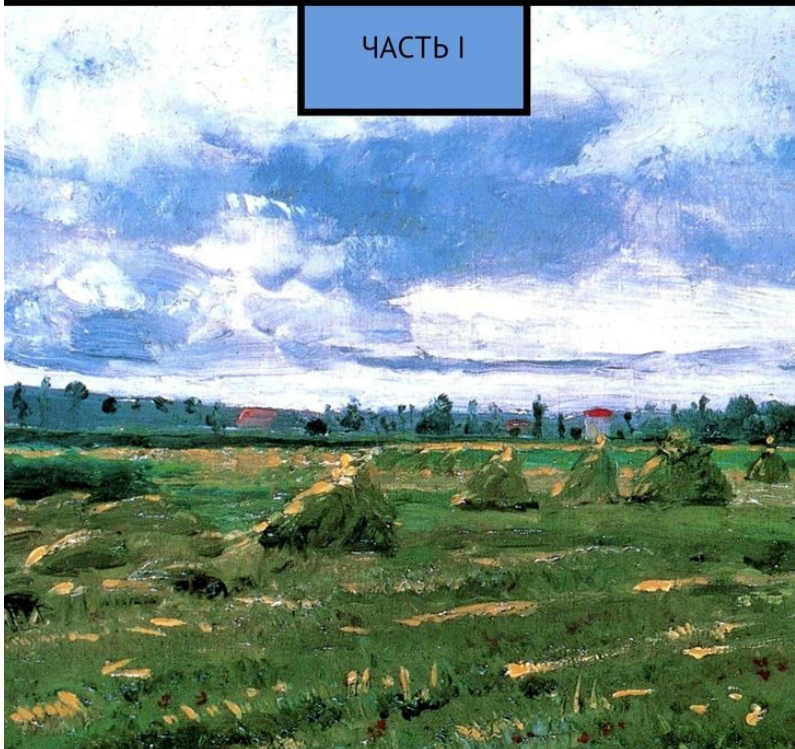

18+

АЛОНА КИТТА

Русский излом

ЧАСТЬ I

Алона Китта

Русский излом. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40648903

ISBN 9785449079947

Аннотация

Перед вами первая часть трилогии, которая повествует о жизни двух поколений семей Астафьевых, Талановых и Баренбоймов на фоне трагических событий русской истории первой половины двадцатого века – революции, гражданской войны, коллективизации и сталинских репрессий. Члены одной семьи нередко оказываются по разные стороны баррикад, друзья детства становятся врагами, а любовь подвергается жестоким испытаниям.

Содержание

Русский излом	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	65
Глава 12	70
Глава 13	76
Глава 14	81
Глава 15	86
Глава 16	92
Глава 17	98
Глава 18	105
Глава 19	110
Глава 20	114
Глава 21	119
Глава 22	124

Глава 23	129
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Русский излом

Часть I

Алона Китта

© Алона Китта, 2019

ISBN 978-5-4490-7994-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алона Китта

Русский излом

Часть 1

Решка с двуглавым орлом

Глава 1

Март 1909.Песчанск.

Остановить во что бы то ни стало эту ужасную дуэль!

Остановить так, чтобы оба дуэлянта остались живы, чтобы помирились и пожали друг другу руки...

А если примирение не состоится, то пусть разойдутся в разные стороны и живут каждый своей жизнью...

Холодное мартовское утро дышало влагой, солнце уже взошло, и ночной сумрак постепенно исчезал: он прятался в длинные, по-весеннему четкие тени. День обещал быть ясным, и не хотелось думать, что он может стать последним для двух молодых людей, возомнивший себя Ленским и Онегиным.

А, впрочем, слишком много чести, если сравнивать этих забияк с известными литературными героями: они скорее похожи на распетушившихся гимназистов!

Девочка бежала по скользкому тротуару, припорошенно-

му снежком, неуверенно переставляя ноги. Она уже упала несколько раз, но тут же поднималась и продолжала двигаться. Бедняжка задыхалась от бега и влажного воздуха, но никакая одышка не могла задержать ее.

Воображение рисовало картины дуэли- одна страшнее другой! Она жмурилась и отгоняла от себя видение: простреленный офицерский мундир- неважно, чей, брата Мити или Евгения Монакова, и маленькая Маруся спешила вперед.

О предстоящей дуэли ей сообщила старшая сестра Аня.

Час назад обе девочки, Маруся и Аня Астафьевы, собирались в гимназию: Аня заплетала косу, а ее младшая сестра пила какао в столовой. Она-то и заметила, как кухаркина дочь Лиза неслышно подошла к Ане и что-то горячо зашептал ей на ухо.

Маруся насторожилась: Лиза, служившая горничной в семье Астафьевы, обыкновенно в это время занималась уборкой в другом конце дома, и раз и навсегда установленный порядок никогда не нарушался.

Стало ясно, что случилось нечто, из ряда вон выходящее, недаром слезы так и льются из лизиних глаз, и она не успевает их вытирать краем фартука.

Маруся насторожилась и прислушалась, застыв с отпущенным куском сдобной булочки, но так ничего и не разобрала, кроме имени старшего брата. Но что же такое произошло с Митей?

Сестра Аня оставалась невозмутимой. Ни один мускул

не дрогнул в ее лице, пока она слушала Лизу.

– Ты бредишь, -громко произнесла она, отстраняя от себя склонившуюся к ней горничную.— С чего ты взяла? Кто тебе наболтал такие глупости?

– Вот Вам крест, барышня, это все истинная правда, — зачастила Лиза, широко перекрестившись, – Маменька poslali судака купить у рыбаков, а там Симка, сторожиха из казарм... Ну, она и поведала.

– Симка твоя- дура и сплетница. Она все время врёт, ее весь город знает, а ты повторяет за ней басни. Стыдись, Лиза- ты в приличном доме служишь.

Анна, наконец, заплела косу и села за стол напротив Маруси.

Она подвинула к себе розетку с «царским» вареньем из крыжовника и принялась намазывать на булку. Лиза плакала, но на Анну это не произвело ни малейшего впечатления.

– Ступай, -коротко приказала она, строго посмотрев на горничную.

– Барышня, Вы уж барыне расскажите, -не унимались Лиза, но тут же наткнулась на непреклонный взгляд Анны.

Горничной ничего не оставалось, как покинуть столовую, бессильно махнув рукой.

Маруся с интересом наблюдала за разговором, и кусок, который она забыла проглотить, выпал из ее рта, но девочка этого даже не заметила.

Анна молчала, а Маруся умирала от любопытства: так ей хотелось узнать, что же такое рассказала горничная?

Она замерзала на стуле и нечаянно подтолкнула чашку, отчего недопитое какао выплеснулось ей на рукав.

– Веди себя прилично, -подала реплику Аня, привыкшая на правах старшей воспитывать Марусю и читать ей нотации по любому поводу, а чаще без повода.

В такие моменты сестрица становилась похожей на классную даму Александру Дмитриевну: не хватало лорнета на серебряной ручке и высокой прически.

Маруся, справедливо считавшая, что ей достаточно в жизни одной классной дамы, обычно начинала пререкаться.

Сегодня ссориться с Аней было нельзя.

– Аня, что у нас случилось? -спросила она без предисловий, искоса посмотрев на нее.

– С чего ты взяла? -Анна продолжала изображать невозможность, поэтому даже не подумала оторваться от завтрака.

– А чего Лизка плакала?

– Не"чего», а"что».

– Опять ты со своим воспитанием! -рассердилась Маруся.

– Заканчивай завтрак-в гимназию опоздаешь!

Маруся надулась от обиды, но, вероятно, строгой барышне

хотелось с кем-то поделиться услышанным, поэтому через минуту она задумчиво произнесла:

– Лиза говорит, что наш Митя и Евгений Монаков поехали стреляться на Немецкое кладбище, якобы из-за Ольги.

Ну, подумай сама, станет Митя рисковать службой? Да никогда!

Она произнесла эти слова излишне горячо, словно хотела убедить в первую очередь себя, а не Марусю.

– А вдруг это правда? -воскликнула Маруся.

Она вовсе не была уверена в Митинге рассудительности, тем более для одиннадцатилетней девочки такие понятия, как «служба» и «карьера» являлись абстрактными, а Ольга, ставшая причиной дуэли, реально существовала и, более того, жила по соседству с их имением.

– А вдруг это правда? -повторила Маруся, припомнив, что прошлым летом Митя был влюблен в Ольгу. Кажется, Евгений Монаков тоже.

При мысли о статном красавце, товарище старшего брата, в сердце девочки словно вонзилась тупая игла: неизведанная ранее душевная боль охватила все ее существо.

– Получается, Ольга выбрала Евгения? -спросила она, покраснев до ушей.

– Мало того, они скоро поженятся. Евгений уже и разрешение у командира получил, и венчание через две недели, -подтвердила Анна.-А Митя посчитал это предательством...

Анна запнулась: до нее только сейчас дошло, насколько серьезными могут быть последствия этой выходки.

– Ой, Машка! -воскликнула она и зажала себе рот ладо-

шками

– Маме нельзя говорить: она всю ночь не спала из-за Вань-ки, -зашептала Маруся, оглядываясь.

Младший брат, пятилетний Ваня, серьезно заболел, и вот уже трое суток маменька дневала и ночевала у его постели, опасаясь последствий лихорадки.

– Да, маме нельзя, -согласилась Аня, -Как ты думаешь, если я побегу на Немецкое кладбище...

– Это я побегу на Немецкое кладбище, -оборвала ее младшая сестра, -А ты позови папу.

Отец рано утром ушел на склад. Аня бывала там неоднократно, и ей не составит труда разыскать его среди множества упакованных кип льняного волокна.

Через пять минут бега по скользкой дорожке Маруся, наконец, достигла цели и задержалась у кладбищенских ворот. Слева в будке сидел привратник, а справа одетая в черное старушка торговала аляповатыми бумажными цветами, покрытыми неровным слоем парафина.

Кивнув на ходу привратнику, Маруся последовала по главной аллее. Могилы были засыпаны снегом, но кое-где между ними пролегали тропинки, вытоптанные посетителями. Самая широкая тропинка вела к кирхе. Маруся предпочла свернуть в противоположную сторону, предположив, что дуэлянты не посмеют стреляться вблизи церкви. Скорее всего действие развернется на краю кладбища, пока ещё свободном от могил. Это место называлось Грачиная площадк

а, так как его издавна облюбовали грачи и охотно строили гнезда в густых кронах старинных вязов.

Глава 2

Маруся издали заметила дуэлянтов: Митя и Евгений, оба без шапок и шинелей, медленно приближались навстречу, целясь на ходу. Морозный пар поднимался над их головами при каждом дыхании, лица разругались, а руки без перчаток судорожно сжимали пистолеты. Маруся побежала наперерез, утопая в снегу и задыхаясь.

В голове пульсировало, и стучали тысячи молоточков. Она пыталась кричать, но из горла вырывалось только хриплое сипение.

– Не успею, -подумала девочка.

А противники тем временем остановились и подняли пистолеты. Вот-вот раздастся выстрел, и мартовский снег обогрится кровью.

– Господи, вразуми их, сделай чудо, -взмолилась она, проваливаясь в глубокий сугроб.

Тысячи снежных иголок впились в лицо, забились в нос и не давали дышать. Маруся замерла в отчаянии, боясь пропустить звук выстрела, но вместо этого тишину разорвал женский крик. Это было так неожиданно, что Маруся самостоятельно выбралась из сугроба, подгоняемая любопытством.

Она увидела, как неизвестно откуда появившаяся Ольга рыдает на плече Евгения Монакова. Митя стоял поодаль, вид

у него был смущённый и растерянный. Он с грустью взглянул на ненужный теперь пистолет и неожиданно швырнул его на дорогу.

Митя уходил, не оглядываясь, как будто стыдился произошедшего. В самом деле, к чему эти мелодрамы? Да и не собирался он убивать бывшего друга, он готовился выстрелить в воздух... Он на ходу подхватил лежащие в сторонке шинель и фуражку, а его соперник и девушка остались сжимать друг дружку в объятиях. Дуэль не переросла в трагедию, а закончилась возвращением в обыденность.

– Я не собирался стрелять в Митю, -заявил Евгений, наблюдая за удаляющимся Митей., -Я бы выстрелил в воздух.

– А отказаться от дуэли нельзя было?, -поинтересовалась Ольга, отпрянув от его груди.

– Нельзя. Это он меня вызвал, -отрезал ее возлюбленный.

Их губы соединились в нежном поцелуе, и Маруся снова почувствовала непонятную тоску в сердце. Все закончилось, а радости она не ощущала. Может быть, оттого, что ей никогда не стать такой красивой, как Ольга, и Евгений не обратит на нее никакого внимания.

Никем не замеченная Маруся повернула в сторону кирхи и скоро вышла на улицу. Все ее прекрасные порывы пропали напрасно, а за пропуск уроков в гимназии придется оправдываться. А самое обидное, что Евгений остался с Ольгой. Подумав об этом Маруся почувствовала, как разбивает-

ся на мелкие осколки ее сердце.

А вечером за ужином в семье Астафьевых говорили об утренней дуэли. Масла в огонь подлила забежавшая по-соседски Ольга Миллер-, она заканчивала фельдшерскую школу в Песчанске и снимала квартиру неподалеку.

Красавица рассказала, что о дуэли ее предупредил запиской Родион Таланов, приятель Мити и Евгения. Бросив все, она немедленно взяла извозчика и поспешила на Немецкое кладбище, место указал ей тот же Родион.

– Я успела вовремя, - смущенно улыбнулась девушка, - Правда, оба заявили, что не собирались убивать, но зачем тогда устраивать спектакль? И вообще это средневековое варварство - выяснять отношения с помощью оружия. Хочется верить, что в просвещенном двадцатом веке люди забудут о насилии.

– Мне становится страшно при мысли, что моему Митеньке угрожала опасность - всхлипнула маменька Анастасия Александровна, или Асенька, как ее называл муж.

Она бросила на бывшую подругу старшего сына колючий взгляд. И как ей совести хватило прийти к ним сегодня в дом после того, что она натворила?!!

И что же все-таки Ольга натворила, Асенька толком и объяснить бы не смогла, но считала красавицу виновницей всех бед.

– А мне, сударыня, стыдно, что мой старший сын к своим двадцати двум годам не набрался ума и повел себя край-

не безответственно, – папа Федор Иванович без церемоний оборвал Асенька всхлипы.

– Я не одобряю дуэли, в этом есть что-то нерациональное, – строгим голосом произнесла Анна. Эту интонацию она скопировала у директрисы той самой женской гимназии, где учились они с Марусей.

– После утреннего происшествия они оба упали в моих глазах, – Анна закончила фразу и посмотрела на Марусю, с ловно приглашая ее выговориться, однако младшая сестра не спешила высказать своё отношение. Вместо младшей барышни заговорила горничная Лиза.

– Дуэль-это так романтично, – сказала она, картинно закатывая глаза, – Я и не подозревала, что молодой барин и господин Монаков –романтики.

А сами «романтики» коротали вечер в казарме, на гауптвахте. Они и не подозревали о том, что почти весь Песчанск обсуждает их поступок.

Маруся в течение всего вечера не произнесла ни слова.

Она вяло ковыряла вилкой в тарелке, но к еде почти не притрагивалась. Утреннее напряжение отпустил о ее, но девочка чувствовала себя бессильной и опустошенной.

А на следующий день обнаружилось, что Маруся пылает от жара. Вызванный на дом доктор заподозрил пневмонию, и Маменька переключилась с выздоровевшего Вани на младшую дочь. Теперь она дежурила у постели Маруси, стараясь угадать каждое ее желание и не пропустить момент ухудше-

ния.

Несколько дней больная провела в полудрёме, задыхаясь от пароксизмов кашля. Перелом наступил ночью, когда лихорадка внезапно сменилась слабостью, и Маруся постепенно начала поправляться. Взгляд ее стал живее, дыхание свободнее, а на бледных щеках заиграл румянец. Из-за слабости девочка была вынуждена целыми днями лежать в постели, проводя время в размышлениях и воспоминаниях.

Уважаемый читатель засомневается: какие могут быть воспоминания у столь юной особы? О последних каникулах в деревне? А хотя бы и так- что в этом особенного?

Каждое лето Астафьевы проводили в деревне, в загородном доме, построенном ещё Марусиным дедом. Детям нравилось вольное времяпровождение вдали от городской суеты; нравились игры с деревенскими ребятами, купание в речке, рыбалка, походы в лес. Загорелые до черноты, босые, в выгоревшей одежде, молодые Астафьевы внешне ничем не отличались от крестьянских детей. За лето забывалась муштра в гимназии или кадетском корпусе, но как же тяжело было возвращаться в город в конце августа?

Выезда на дачу ожидали чуть ли не с первых заморозков. Взрослые тоже чувствовали себя свободнее в деревне, менее связанными условностями. К тому же у Астафьевых было много друзей в округе. Поездки в гости, на пикники; скромные, но веселые деревенские праздники; самовар на веранде домашняя наливочка перед обедом-что могло быть лучше.

Здесь необходимо рассказать о самих Астафьевых. Дед, построивший «родовое гнездо», происходил из крепостных барина Баташова. После отмены унижительного рабства он стремительно разбогател. Злые языки поговаривали, что деньги он добыл, ограбив на пару с сыном темной осенней ночью проезжего купца. Кое-кто предположил, что Астафьеву «дался» клад, зарытый в давние времена местным боярином в страхе перед опричниками Ивана Грозного. Но скорее всего, Астафьеву-деду полученная свобода открыла новые возможности, и он ими удачно воспользовался.

Он начал торговать льном, вытесняя одного за другим соперников, и вскоре прибрал к рукам весь товар в своей, а затем и в соседней волости. Удача способствовала ему, настал день, и Иван Астафьев (так звали деда), открыл магазин в Песчанске, а через год и в Санкт-Петербурге.

В столице он наладил связи с английскими и шведскими купцами, и вот уже изделия из Песчанского льна вышли на европейский рынок. Маленький заводик по переработке волокна давно вырос в большое предприятие, которое давало работу многим жителям Песчанска.

Не умевший расписываться Иван оплатил хорошее образование единственному сыну Федору, для этого он «купил» себе и сыну дворянство, «подмазав» кого нужно, и в губернии, и в столице.

Федор, унаследовавший отцовскую деловую хватку, получил прекрасное образование- он закончил гимназию в Пес-

чанске и коммерческий факультет в Санкт-Петербурге. Вернувшись в деревню обладателем престижного диплома, Федор вознамерился жениться.

Какое огромное разочарование его постигло, когда выясилось, что помещичьи дочери не считают его равней себе и достаточно родовитым. В деревенских же простушках он и сам не был заинтересован.

На помощь пришел отец: он высватал для сына дочь своего бывшего барина Баташова, восемнадцатилетнюю Настеньку. Являлось ли это своеобразной мстью крепостного своему господину в прошлом, доподлинно неизвестно, однако, женившись на Баташовой, Федор утер нос брезговавшим им барышням.

Этот брак был выгоден обеим сторонам: Астафьевы приобщились к «голубой крови», а впавшие в нищету Баташovy приподняли голову после того, как Иван оплатил их долги.

Федор покупал драгоценности для юной жены. Настенька же, не будучи мотовкой, попросила мужа не входить в ненужные траты. Она редко выезжала, посвятив свою жизнь детям, а их появилось в семье пятеро. Старший сын Митя, как нам уже известно, получил офицерский чин и служил в Песчанске. Второй сын Илья изучал юриспруденцию в столице и домой приезжал только на каникулы.

С родителями оставались две дочери-пятнадцатилетняя Анна и одиннадцатилетняя Маруся. И ещё самый младший Ванечка.

Дед Иван умер год назад, успев порадоваться на внуков. Федор Иванович продолжал семейное дело, а верная супруга Анастасия Александровна умело вела дом. Шли годы, дети подрастали, счёт в банке увеличивался.

Казалось, так будет всегда под сенью распутившегося крыла двухглавого орла.

Глава 3

Ранним утром экипаж, в котором разместились Астафьевы, тащился по лесной дороге. Капли росы падали с ольховых веток на полусонных пассажиров, вздрагивающий от утренней прохлады.

Молодой мерин Орлик, обычно резвый и игривый, дремал на ходу и едва не свернул на отрезок, ведущий к болоту.

Крупные ягоды лесной земляники соблазнительно краснели на обочинах, иногда в густой траве показывались шапочки грибов, но сегодня это изобилие никого не заинтересовало.

Астафьевы ехали в Залесье, в имение Талановых, на день рождения младшей дочери. Понятно, что обе семьи связывала дружба.

В преддверии праздника каждый из Астафьевых предвкушал приятное времяпровождение. Маруся радовалась поездке больше других, ведь именинница была ее лучшей подругой.

Поскрипывая, экипаж выехал из леса и покатился по полю. Запахло таволгой и цветущей гречихой, а тишину нарушал лишь стук лошадиных копыт и стрекот цикад.

День обещал быть жарким, солнце уже высушило росу, и горячий воздух дрожал, искажая линию горизонта.

Маруся рассеянно смотрела по сторонам, выискивая из-

менения в знакомом пейзаже. Вот здесь разросся Иван-чай, а в прошлый раз виднелись только зелёные побеги,

Здесь- горка из рыхлой земли, ясно, что накануне покопался крот. А по краю поля высыпало столько васильков, что хватит сплести венок.

Сестрица Аня раскрыла зонтик от солнца- настоящий «взрослый» зонтик, одолженный у мамы. Аня боится загорать: ее белая кожа моментально покрывается веснушками. Марусе на веснушки наплевать, она и так самая красивая девочка в округе. Об этом говорят все мамы знакомые, а таким изысканным дамам, как помещица Вера Павловна Благовидова, проводящая каждую зиму в Италии, можно верить.

Маруся пока не поняла, радоваться своей красоте или печалиться, но похвалы взрослых ей были приятны.

Плохо то, что Анна завидовала ей и даже не пыталась скрыть это. Вот и сейчас она с недовольным видом косится в Марусину сторону, словно сравнивала своё новое платье с Марусиным- чистеньким, но поношенным.

Сколько бы Аня ни выпрашивала у мамы зонтики и перчатки, а порой и «взрослые» шляпки, знакомые всегда обращали внимание на Марусю, как бы та ни была одета, хоть в мешок для угля.

Рядом с Аней сидит Илья. Он несколько дней назад получил аттестат зрелости, закончив гимназию в Песчанске, а с осени начинает учебу в Санкт-Петербурге. Как называет-

ся факультет, Маруся не помнила, кажется «юридический», но всем было известно, что брат, вместо учебы, хочет делать какую-то "революцию». Если это доходило до папиных ушей, то тихий и спокойный папочка обычно топал ногами на своего среднего сына.

Илья, добрый и весёлый братец, срывался с катушек, когда, начитавшись непонятных книжек, принимался разъяснять «несправедливость"мира. Обычно папа затыкает уши, когда Илья толкует о самодержавии, парламентаризме, разгоне какой-то Думы и необходимости какой-то конституции. Папа начинает сердиться и говорит, что Илью сошлют в Сибирь за такие разговоры, а Илья требует «демократических"свобод, и в частности, свободы слова.

Жаль, старший брат Митя отсутствует. Он приедет в Залесье, но попозже. Да и как же не приехать, если старший сын Талановых, Родион, был не просто Митиным другом, но и соучеником.

Они оба учились в кадетском корпусе, оба поступили на офицерские курсы и уже распределились на службу в Песчанске.

Маруся редко видела старшего брата: он приходил домой только на воскресенье. Она настолько отвыкла от него, что начинала дичиться при его появлении, отвечала на его вопросы, смущаясь,

В жизни старшего брата все было упорядочено, кроме иностранных языков: ну не давался ему немецкий, хоть

плачь! Он, конечно, не думал проливать слезы, тем более, хорошенькая Ольга Миллер согласилась с ним позаниматься.

Занятия плавно перетекли в роман, и теперь каждую свободную минуту Митя проводил у Миллеров.

Маруся удивлялась: и не лень было брату вставать на каблуках спозаранку и ехать верхом десять вёрст до станции Белой, где жили Миллеры.

Отец Ольги, Карл Иванович Миллер, служил земским доктором и безвыездно жил в деревне. После смерти жены он воспитывал двух дочерей. Младшая Лилечка, ровесница Маруси, ещё только поступала в гимназию, а старшая Ольга уже год отучилась в фельдшерской школе в Песчанске.

Родители не одобряли увлечение сына и боялись, что он поторопится с женитьбой и забросит учебу. Ну, ничего удивительного-этого боятся все родители во все времена.

Маруся слышала, как папенька говорил:

– Какая любовь может быть в двадцать лет?

Митя ответил на это:

– Только в двадцать лет и может быть любовь! А чувства в преклонном возрасте смешны.

Родители переглянулись и одновременно засмеялись.

– К нам это не относится: мы ещё не достигли преклонного возраста, -улыбнулась маменька.

Повозка въехала на мост, и колеса равномерно застучали по брёвнам. Проснулся Ваня и стал тереть глазки. На пригорке показалось Залесье-стройные ряды крестьянских изб и огороды. А на окраине-барский дом, окружённый ухоженным яблоневым садом. А на крыльце дома Талановы, родители и дети, машущие руками прибывшим Астафьевым.

Глава 4

3.07.1907.

Пора познакомиться с семьёй Талановых, ведь в жизни Маруси и других Астафьевых они всегда играли важную роль. Родители- Петр Андреевич и Любовь Петровна – представляли собой типичных «Старосветские помещиков».

Вся их жизнь была связана с имением: Петр Андреевич вырастил прекрасный сад, гордость всей губернии!

Он выписывал яблони из любого уголка обширной Российской империи и вывел несколько новых сортов.

Барыня Любовь Петровна занималась вареньями и соленьями, искусно вышивала гладью великолепные панно и неплохо играла на фортепиано.

По старой памяти крестьяне шли к ней со всеми бедами, и добрая барыня помогала им, чем могла.

Она часто ездила в деревню на двуколке, и крестьянские дети, увидев ее рыженькую кобылку, бежали следом, зная, что барыня непременно угостит их семечками или орехами, ландринном или изюмом.

Старшая дочь, двадцатилетняя Надя, не унаследовала ни красоты, ни доброты матери. Проучившись два года на Бестужевских курсах в Санкт Петербурге, она впитала в себя черты пресловутого "синего чулка», что даже на каникулах больше времени посвящала устройству сельской школы,

чем собственной судьбы. Казалось, Надя махнула на себя рукой и совершенно не предпринимала никаких усилий для улучшения внешности. Невыразительное серое платье, лорнет на простом шнурке, прямые волосы, стянутые на затылке в узел-вот ее портрет без прикрас.

Родион Таланов, будучи на год моложе сестры, отличался от нее и внешне, и характером. Природа подарила ему стройную фигуру и выразительные карие глаза, что предопределило стойкий успех у девушек. Родион дружил с Митей Астафьевым: они вместе учились и в кадетском корпусе, и на офицерских курсах. Появление в жизни Мити Ольги Миллер не повлияло на их дружбу.

К родительским занятиям Родион относился снисходительно, он осознанно выбрал карьеру военного. Имение его не интересовало, и он не собирался им заниматься.

Петр Андреевич догадывался об этом и возложил надежды на продолжение семейного дела на младшего сына, тринадцатилетнего Михаила, и, кажется, небезосновательно. Миша больше других детей помогал папе в саду, интересовался его опытами и уже сам делал прививки на дичок. Миша учился в Песчанске, в мужской гимназии на полном пансионе, и по воскресеньям часто навещал Астафьевых в их городском жилье. Он перечитал все книги в домашней библиотеке и постепенно обследовал содержимое книжных полок у Астафьевых.

Последняя – Раечка, ровесница и подружка Маруси, мод-

ница и хохотушка. Она представляла собой копию матери в миниатюре – те же черты лица, тот же характер. Раечка единственная из всех детей Талановых сопровождала Любовь Петровну в ее поездках по деревне и, так же, как мать, раздавала угощение крестьянским детям.

В отличие от братьев и старшей сестры Раечка не любила учиться и с большим трудом поступила в гимназию. Ее пугала математика, особенно за дачу про наполняющийся бассейн и поезда, вышедшие со станций А и Б навстречу друг другу.

Она с тихим ужасом взидала на колонки арифметических примеров. И тем не менее Раечка не унывала: она рассчитывала на подругу Марусю-если они окажутся в одном классе, Маруся непременно подскажет или даст списать.

Глава 5

Объятия, поцелуи, стаканчик холодного морса, поданный горничной Кланей, торба с сеном для коня – все это было в первые минуты, а затем хозяева и гости дружно направились в летнюю столовую, где уже был накрыт стол для завтрака. Ветерок проникал внутрь через раскрытые настежь окна, лёгкие занавески надувались парусами, а на полу лежали солнечные блики.

Посреди большого обеденного стола, покрытого льняной скатертью, красовалась ваза с садовыми цветами.

Стол был уставлен пирогами и закусками, а Клания уже несла из кухни самовар. Все расселись вокруг стола, когда появился Родион, приведя с собой незнакомого молодого человека, одетого в лёгкий летний костюм.

– Знакомьтесь, это мой друг Евгений Монаков, мы вместе учимся на курсах.

Мог бы и не говорить: военную выправку не спрячешь!

Евгений оглядел присутствующих, и Марусе показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Она никогда в жизни не встречала такого красивого молодого человека, только на открытках, изображающих влюбленные пары. Сероглазый блондин с правильными чертами лица и угольно-черными бровями и ресницами на бледном лице, он улыбался так приветливо, что вскоре расположил к себе всех без исключения

Астафьевых.

Появление Евгения не нарушило общий разговор -наоборот, он ловко вел беседу на любые темы, умело вставлял обороты и незатейливые шутки. Он по достоинству оценил трудолюбие Петра Андреевича и предприимчивость Федора Ивановича, а также обаяние обеих матерей семейства, при этом сделал это ненавязчиво, без намека на подобострастие.

Маруся не сводила глаз с нового знакомого. Она отодвинула блюдо с надкушенным пирогом и замерла, боясь пропустить каждое сказанное им слово.

Сидящая рядом Раечка уминала блины, макая их в сметану, и нисколько не обращала внимания на Евгения.

Глупая Раечка! Она не понимает своего счастья, -подумала Маруся, -Ведь она живёт под одной крышей с «ним».

Если бы Марусе так повезло! Почему Митя не догадался пригласить «его» на лето? Брат учится на тех же курсах, что и Родион, и, наверное, знаком с Евгением.

Внезапно ее охватило беспокойство- а вдруг не только она влюбилась в приезжего?

Раечка не в счет-Маруся давно посвящена в сердечные тайны подруги: вот уже полгода ее кумиром был некий Леня Пригожий, сын священника из Лисьих Гор.

Да, но остаются Надя Таланова, сестрица Аня, наконец!

Маруся покосилась в сторону старшей сестры и сразу успокоилась: та занимала разговорами Мишу Таланова.

А Надя убежала, наскоро выпив чаю: она сказала, что ее

ждут в земской школе.

– А чем занимаются Ваши родители, Евгений? -спросила маменька, и Маруся мысленно поблагодарила ее за вопрос.

– У моих родителей имение под Екатеринославом, – ответил он, – Мама хотела, чтобы я занимался делами поместья, но я всегда мечтал о карьере военного.

– Значит, сельское хозяйство Вас не привлекает, – с грустью заметил Петр Андреевич.

– Дай Бог, чтобы Вам повезло на военном поприще, – с улыбкой пожелала Любовь Петровна.

Некоторое время все молчали, продолжив завтрак, пока вошедшая Кланы не объявила о приезде Миллеров.

Через окно Маруся увидела сухонького Карла Ивановича, помогающего выйти из экипажа младшей дочери Лилечке, одетой в платье из голубого батиста. Ольга Миллер приехала верхом в сопровождении Мити Астафьева. Молодые люди передали поводья своих скакунов конюху Талановых и направились в дом.

Ольга задержалась, чтобы сменить дорожный костюм на приведенное с собой нарядное платье. Она появилась, когда Митя, Карл Иванович и Лиля уже сидели за столом.

– Оленька, Вы просто красавица, выглядите прекрасно, – произнесла Любовь Петровна, – Садитесь рядом с Митей и Петром Андреевичем.

Оленька сделала книксен:

– Благодарю Вас, Любовь Петровна. Бывать у вас в Зале-сье- одно удовольствие. Однако, где же именинница?

Раечка вскочила с места и обняла Ольгу, зарывшись лицом в складках ее нарядного платья. Она как раз находилась в таком возрасте, когда девочки обожают молодых красавиц, ищут и находят в них пример для подражания.

Соседка Миллер стала для девятилетней Раечки таким идеалом: она копировала жесты и словечки Ольги, подражала ее интонациям и тембру голоса. Даже прическа- толстая коса с завитыми локонами вокруг лба- являлась точной копией прически Ольги.

Маруся не разделяла Раечкино увлечение: для нее образом поведения была утонченная и изысканная Вера Павловна Благовидова.

Ольга погладила именинницу по голове и незаметно вытащила из кармана бархатную коробочку. Увидев ее содержимое, Раечка завизжала от восторга:

– Мама, это же настоящее украшение!

На белой шелковой обивке лежала тоненькая золотая цепочка с кулончиком в виде кудрявой головки ангела с изящными крылышками.

– Я сама заработала деньги на практике в больнице, -похвасталась будущая фельдшерица.

– Не рано ли нашей дочери носить украшения? -засо-

мневался Петр Андреевич, -Не обижайтесь, Ольга Карловна, у Вас прекрасный вкус, но я боюсь, что моя дочь будет думать о своей внешности, а не об учебе.

– Уважаемый сосед, Вам непременно хочется именно сегодня сыграть роль строгого отца, -попенял ему Федор Иванович.

– В самом деле, отец, оставим воспитательные речи на потом. Пусть молодежь повеселится сегодня., -поддержала его Любовь Петровна.

Осыпанная подарками именинница гордо нацепила кулончик.

Евгений Монаков с интересом наблюдал за разыгравшейся сценой. Новая гостья чрезвычайно заинтересовала его.

– Кто эта девушка? – шепотом спросил он у Родиона.

– Дочь местного врача. Ее зовут Ольга. Год назад она закончила гимназию в Песчанске, а сейчас изучает медицину в фельдшерской школе.

– А почему Астафьев сопровождает ее?

– Ну, догадайся! Он влюблен в Ольгу уже два года. Помнишь, как прошлой зимой весь курс потешался над ним, когда случайно нашли его письмо к «златокудрый Лорелее?»»

Родион замолчал, а Евгений продолжал рассматривать девушку, словно куклу в витрине. Несомненно, это был тип немецкой принцессы с рождественских или пасхальных открыток. Темное золото волос гармонировало с мраморной

белизной кожи и глубиной глаз цвета северного моря, а четкая линия подбородка говорила о самостоятельности и решительности.

Митя Астафьев поначалу не заметил Евгения, уделяя внимание исключительно своей спутнице. Наконец, они встретились взглядами.

– Вот так сюрприз! -воскликнул Митя, -Юнкер Монаков собственной персоной! Что привело тебя в наши Палестины?

В голосе юноши чувствовалась ирония: он недолюбливал Евгения, считая того неискренним и двуличным.

– Да, это я. Родион был так любезен, что пригласил меня погостить у него, -отозвался Монаков.

Их неприязнь была взаимной: Митя казался Евгению заносчивым и «не от мира сего».

– Как же ты не предупредил меня, Родион?, -растерянно спросил Астафьев и, не дожидаясь ответа, снова обратился к Монакову, -Ты здесь надолго?

– На все каникулы, и я уже полторы недели здесь.

– М-да, странно.

Митя посмотрел на Родиона, и тот ощутил неловкость от недоговоренности.

– Ты сам виноват, что до сих пор не соизволил навестить нас в Залесье, -оправдывался он, -Впрочем, я понимаю, ты был поглощен конными прогулками в сторону дома Милле-

ров?

Послышался осторожный смех, Ольга покраснела и прижала ладони к пылающим щекам.

– Да, но причина, по которой он это не сделал, извиняет все, -закончил Евгений, переводя взгляд на Ольгу.

Она смутилась ещё больше.

– Слишком красив, чтобы быть верным, -подумала она и отвернулась.

Ей не понравились намеки этого типа на ее особые отношения с Митей Астафьевым. Однако воспитанность взяла верх над зародившейся было неприязнью, и вскоре она, как ни в чем не бывало, мило поздоровались с Монаковым.

Евгений отдал поклон и спросил, почтит ли барышня своим присутствием бал, который состоится вечером.

– Несомненно, -подтвердила Ольга с некоторым вызовом в голосе, – Но танцевать я намерена только с Дмитрием Федоровичем.

– А это мы ещё посмотрим, -подумала Монаков и, щёлкнув каблуками по-военному, молча удалился. Он принял вызов Лорелеи.

Глава 6

Ровно в час пополудни Любовь Петровна отправилась в деревню. Раечка, Маруся и Лиля Миллер напросились вместе с нею. Еще с утра барыня приготовила гостинцы для деревенской ребятни и собиралась раздать их в честь Раечкиных именин.

Любовь Петровна сама правила лошадьё, сидя на месте возницы, а три девочки теснились в глубине экипажа по соседству с торбами из пестряди.

Солнце вовсю жарило, сливаясь по цвету с раскаленным добела небом. Ни ветерка, ни дуновения – и листья на деревьях, и флюгер на крыше барской беседки погрузились в сонную одурь. Деревенские полканы и жучки ленились лаять, рискуя потерять расположение хозяев. Казалось, деревня вымерла-никто не толпился на пяточке у часовни, никто не копался в огороде. Редкий плач младенцев раздавался из приземистых изб. Он сопровождался разнообразными колыбельными песнями, а кое-где и матюгами.

– Это у Катихиных, -пояснила барыня, -Фрол с женой и старшими ребятами ушли на сенокос, дома только дед-матерщинник. Ишь, сердится, что его, Георгиевского кавалера, оставили в няньках.

Девочки смущённо переглянулись.

– Дед, прекрати ругаться! -крикнула барыня в растворенное окошко.

Оттуда донеслось испуганное:

– О, Господи!

Из избы кубарем выкатился на крыльцо плюгавенький мужичонка с деревянной культей, одетый в роскошные штаны и ставшую мягкой от частых стирок льняную рубаху.

Так же стремительно он приблизился к повозке и, согнувшись в поклоне, поцеловал руку сидящей в экипаже даме.

– Барыня-благодетельница, -лебезил дед, -Дык разве ж это ругательство? Это так, присловье.

– Это присловье твой внук с пелёнок слышит. Кстати, кто у Тани родился?

– Девка, Туды ее... тоись, эта... Убыток один в хозяйстве.

Он обречённо махнул рукой: сидеть с мальчишкой-куда нишло, вырастет, будет кому хозяйство передать. А с писклей женского рода не хотелось-организм протестовал против такой несправедливости.

– А где же вся деревня? -удивилась барыня, оглядываясь на пустую улицу, -Я гостинцы привезла, а никого нет. Неужели все в поле?

На ее нарочитое удивление он ответил таким же деланным удивлением:

– Дык где ж им быть? Которые на работе в поле или на се-

нокосе. Бабы на огородах, а выпивохи второй день в Межидках на поминках гуляют. А ребяташки тута, в купальне.

Кликнуть, что ли?

– Кликни, кликни, -поторопила барыня.

Через минуту пятилетняя внучка Ариша пулей летела в сторону речки, сверкая пятками в поднятой пыли.

Любовь Петровна вынула из торбы кулёк со сладостями и протянула деду.

– Возьми, дед, для внуков. Младшенькую-то как назвали?

– Настькой, -ответил старик, забирая кулёк.

Из избы снова раздался плач хныксы, и дед поспешил к младенцу, бормоча благодарности.

Раечка, сидевшая в уголке экипажа и наблюдавшая за происходящим, осторожно спросила:

– Мама, а деревенские нас любят за гостинцы или просто так?

– Не знаю, -спокойно ответила Любовь Петровна, -Я привыкла, что так было всегда: и при моей маме, и при бабушке. Раньше, когда крестьяне были крепостными, барин за них отвечал. Если нужно, наказывал, если нужно,,поощрял за хорошее поведение. Залесские уже привыкли, что на праздники или именины барыня угощает детей.

В тот момент, как бы в ответ на ее слова, в отдалении со стороны речки раздался гул детских голосов, смешанных

с топотом ног. Вскоре на улице показалась ватага босоногих ребятишек всех возрастов. Они остановились в нескольких шагах от экипаж а. Дети молчали, поглядывая то на барыню, то на девочек, то на заманчивые торбы.

Любовь Петровна с улыбкой рассматривала детвору, но раздавать сладости не спешила. Наконец, терпение ребятишек лопнуло, и один мальчик, похожий на жожака среди них, громко произнес:

– Здравствуйте Вам, барыня.

– Здравствуй, Стёпа. Ты хорошо усвоил прошлый урок, - похвалила барыня и строго посмотрела на остальных.

Со всех сторон слышались нестройные голоса, бормочущие приветствия.

– Очень хорошо. В жизни пригодится быть вежливыми и воспитанными, -учительским тоном продолжала она, -А чему я ещё вас учила?

Дети смущённо потупились.

– Не бойтесь, говорите, -поощрила их Любовь Петровна.

– Слушаться маму и тятеньку- тихо сказала белобрысая девочка.

– Не обижать младших, -похвалила другая, косясь в сторону большого мальчика, исподтишка показывающего ей кулак.

– Быть аккуратным.

– Быть работающим.

– Молиться утром и вечером.

– Ходить в школу и слушаться учителя.

Любовь Петровна знаками показала, что этого достаточно.

– А вы поступает в жизни так же? -на этот раз она слегка повысила голос.

Ответом ей было раскатистое детское "да!»

Барыня осталась довольной.

– Ну, что же, хороших детей нужно наградить, -произнесла она нараспев.-У моей дочери Раечки сегодня именины.

Раздайте гостинцы, барышни.

Дети замерли в ожидании, а три нарядные девочки-Рая, Маруся и Лиля-принялись рассовывать конфеты и семечки в протянутые руки. Барыня захлопала в ладони и скомандовала:

– В очередь, в очередь! Прекратите давку! Кто получил, становитесь в конец.

Маруся машинально раздавала леденцы и «подушечки"и не могла отделаться от неприятного беспокойства, исподволь пробудившегося в ней. Внезапно ей стало стыдно и за себя, и за добрую барыню, и за толкающих мы в очереди за конфетами Залесских детей. Что-то неправильное было во всем происходящем Маруся по молодости лет не могла объяснить эту неправильность. Она ничего не сказала ни

Раечке, ни Любви Петровне, но за всю обратную дорогу не произнесла ни слова.

Раечка же и ее ма́ма, наоборот, болтали без умолку, довольные собой. Лиля держала за щекой завалявшиеся леденец и тоже не мучилась размышлениями.

– Они ведь давно не крепостные, -подумала Маруся, вспомнив рассказы деда Ивана о том времени, -А свободных людей унижать подачками нельзя.

– А кто умер в Межицах? -неожиданно спросила Маруся, отбросив размышления о правильном и неправильном в жизни, -Хромой дед Катихиных сказал, что все Залесские там гуляют на поминках.

– Мария Андреева, царство ей небесное, -перекрестилась Любовь Петровна, умудрившись не выпустить из рук вожжи, -Сгорела от лихорадки в неделю. Добрая была баба, пусть ей земля будет пухом.

– Папенька сказал, что, если бы ее раньше привезли в больницу, она осталась бы в живых, -добавила Лиля.

– Судьба, -вздыхнула Любовь Петровна.-Жаль детей. Трое сиротами остались.

– А почему мы не повезли гостинцы сиротам? -удивилась Маруся

– Так они же межицкие, у них свой барин есть, – с некоторым недоумением ответила Рая и покосилась на мать. Та согласно кивнула. Маруся снова вернулась к размышлениям:

– Не думаю, что межицкие барин поддержит в горе сирот и пришлет им конфеты.

Глава 7

Миша Таланов убежал от всех и спрятался в мезонине, прихватив с собой том энциклопедии, чтобы не скучать. Он с нетерпением ожидал, когда же, наконец, закончится этот длинный день, заполненный суетой и пустыми разговорами. От них Миша уставал больше, чем от физической работы в саду.

Приезда Астафьевых он с некоторых пор ожидал с подспудным страхом, и виной тому было повышенное внимание к нему со стороны Анны. Старшая из сестер Астафьевых выбрала его предметом своей влюбленности и принялась за дело столь резво, что бедный мальчик был в полушаге от того, чтобы возненавидеть на всю жизнь прекрасную половину человечества.

Лишь только закончился завтрак, Миша с невежливой поспешностью скрылся в библиотеке. Аня последовала за ним, не отставая ни на шаг. Мальчик не решился закрыть дверь перед носом назойливой гостьи. С лицом христианского мученика он взял первую попавшую ему под руку книгу и уселся за письменный стол. Ему никак не удавалось сосредоточиться на чтении: он невольно следил за Аней, перебиравшей книги в шкафу. Наконец, она вытащила толстый коричневый том и разочарованно произнесла, пробежав глазами название:

– У, это на английском!

– Да, на английском.«История Тома Джонса, найденыша"Филдинга, -отозвался Михаил, не глядя в ее сторону.

– И ты читаешь на английском?

– Благодарю за комплимент, но ты слишком хорошо обо мне думаешь. Свободно по-английски я пока не читаю, а эта книга принадлежит маме. У нее в детстве была бонна-англичанка, поэтому маменька хорошо знает этот язык. А теперь и Родион изучает.

– А какая оценка у тебя по английскому?

– «Хорошо».

– А по французскому?

– «Отлично».

– А по немецкому?

– «Хорошо.«А по латыни и греческому тебя оценки не интересуют?

– Почему же? Меня интересует все, что касается тебя.

– Аня, с чего бы это? -возмутился мальчик, -Ты мне не мама и не старшая сестра! Почему ты так беспокоишься о моих оценках?

Аня сделала вид, что не заметила его выпада и вытащила другую книгу. Это был том"Анны Карениной».

– А мой брат Илья говорит, что Лев Толстой исписался, -громко объявила девочка, и в ее голосе послышалось зло-радство.

До Михаила не сразу дошел смысл её заявления.

– Лев Толстой исписался?, -переспросил он.

– Конечно, -тряхнула головой Аня, играя коротенькой ко-
сой.-Все, что он написал, это в прошлом, а сейчас пописы-
вает глупые статейки. Кому они нужны? Общество не любит
наравоучений, ему подавай сюжет, интригу, а это может быть
только в повестях и романах.

– «Глупые статейки "-это слова твои или твоего брата?

– Какая разница! -отмахнулась Аня, -Толстой проповеду-
ет христианскую мораль, а в новом век она нам и на грош
не нужна!

– Бедный Лев Толстой, он станет классиком при жизни, -
притворно вздохнул Михаил, – Кстати, ты слышал а, что его
отлучили от церкви? Получается, мнение Синода совпадает
с твоим и Илюшиным.

Аня пожала плечами и ничего не ответила. Имея смутное
представление о сказанном, она просто процитировала сло-
ва брата, чтобы произвести впечатление на Михаила, однако
мнение брата оказало противоположное действие.

Мальчик снова углубился в книгу, напустив на себя
неприступный вид. Она же, словно не замечая его холодно-
сти, вытаскивала книги, одну за другой, отпускала коммен-
тарии и задавала глупые вопросы.

– Уйди, уйди, уйди, -мысленно приказывал ей Миша,
но назойливая подруга не улавливала его сигналы.

Спасение пришло со стороны Анастасии Александровны, разыскивающей старшую дочь. Аня отложила в сторону раскрытый том и вышла из библиотеки, не пытаясь скрыть недовольство. Недолго думая, Миша бросился на чердак.

Глава 8

Послеобеденный сон спорил всех- и хозяев, и гостей: перед балом нужно было отдохнуть и набраться сил, да и невозможная июльская жара не располагала к прогулкам или активному бодрствованию. Прохлада деревянного дома спасала от жары, а кисейные занавески-от комаров и слепней.

Мужчинам -гостям постелили в бывшей комнате дворни, а женщинам -это в просторном салоне.

Ольга Миллер не спала: она лежала на спине, уставившись в потолок неподвижным взглядом, и размышляла. Неужели она, сильная красивая барышня, на самом деле-бесхарактерная тряпка, глупая пустышка, игрушка в руках кукловода. Появление Евгения Монакова заставило думать о себе подобным образом, да и вообще, вывело из равновесия! Чем зацепил ее новый знакомый, непонятно, но зацепил, это точно!

Сначала его стальной взгляд раздражал: он преследовал ее повсюду, изучал, препарировал и заставлял устраивать маленькие проверки -неожиданно вскидывать взор, чтобы убедиться: он тут, никуда не делся! Она и не заметила, когда попала под завораживающее влияние глаз Евгения, серых, как сталь. Она и уснуть не могла без его обволакивающей чувственности. Воображение рисовало стройную фигуру, ироничную улыбку... Она представила, как объятья молодого

человека открываются ей навстречу, и...

Ольга вскочила и уселась в постели, потирая виски.

– Неужели я в него влюбилась? Не может быть! Это нерационально, -она вдруг испугалась нахлынувших на нее чувств.

Они казались ей странными и непонятными, и так же странно и непонятно грозили изменить ее жизнь.

Внезапно кольнула мысль:

– А как же Митя?

Митя Астафьев ей давно нравился, ее отношение к нему было ясным и прозрачным, словно воды лесного озера в солнечный день. Ничем не омрачаемый роман продолжался уже два года, поддерживаемый одобрением родителей с обеих сторон, и по общему мнению, просто обязан был завершиться свадьбой, как только Митя закончит офицерские курсы и получит чин подпоручика.

Будучи знакомы с детства, они прекрасно изучили характеры друг друга, что давало некоторую гарантию в избежании неприятных сюрпризов в будущем.

И вдруг это будущее подвергается опасности из-за тревожащих воображение взглядов Евгения Монакова.

Они с Евгением ещё не обменялись и десятком слов, и Ольга не склонна была приписывать новому знакомому ещё не сказанное, но про себя решила: это непреложный факт, что Евгений ей небезразличен, и в нем она заинтересована даже больше, чем в Мите.

– Как же быть? Оказывается, я недостойна доверия, только и всего, -сказала себе Ольга, глотая слезы.

Сколько хорошего связывало их с Митей: совместные прогулки, прочитанные книги, поцелуи при расставании...

Как же возможно предать забвению всё это?

Нет, нет, она не должна быть неблагодарной, поэтому сегодня на балу она будет ласкова с Митей и холодна с Монаковым. А ещё лучше, если она и не взглянет в его сторону!

– В России считается, что, якобы, сердцу не прикажешь. Какая ерунда! Мы, немцы, можем подчинить строгой дисциплине даже сердце, -размышляя подобным образом, красавица упустила из виду, что Миллеры давным-давно обрусели.

Ольга немного успокоилась, решив, как вести себя вечером.

Внезапно она захотела в туалет и на цыпочках осторожно вышла из комнаты, заполненной спящими. А, возвращаясь обратно, неожиданно столкнулась с тем, о ком не переставала думать с первой минуты их встречи -Евгений Монаков выскочил перед ней, как чёрт из табакерки. Была ли эта встреча подстроена и срежиссирована, а, может быть, сама судьба подбросила вверх монетку и дала им шанс объясниться- это уже не имело никакого значения!

Евгений выглядел не менее ошеломлённым, чем Ольга! Некоторое время они стояли неподвижно, как вкопанные, пялились друг на друга и не произносили ни слова. Ольга

таяла в присутствии юного рыцаря, будто мороженое на краешке плиты. Бледный Евгений казался ей призраком, готовым увести ее в преисподнюю.

Он так и поступил: развернулся на каблуках и пошел прочь. Ольга двинулась за ним, плохо понимая, что она делает.

Монаков вошёл в кладовку, Ольга последовала туда же.

В тесном помещении, со всех сторон заставленном шкафами со всякой всячиной, они оказались так близко, что их дыхания смешались. Евгений осторожно взял ладонь Ольги в свою и почувствовал толчки крови в кончиках ее пальцев. Он резко притянул девушку к себе и поцеловал.

Вдребезги разбились в тот самый миг рассуждения о немецкой дисциплине, способной заставить подчиниться даже сердце. Это было не то, что с Митей-никакого налета привычки, только страсть, испытанная ею впервые в жизни.

Проходили минуты, а они продолжали обмениваться поцелуями, не в силах оторваться друг от друга.

– Я знал, что ты пойдешь за мной, -вырвалось у молодого человека в одну из коротких пауз, -Вернее, не знал, но так хотел этого.

– Я не должна была...

– Как только ты вошла в столовую, меня словно молния сразила- я сразу понял, что не могу без тебя.

– Ты так смотрел, как будто изучал меня.

– Не изучал, а любовался.

Он немного подумал и добавил:

И все же ты не напрасно пугалась: я решил, что пойду на любые меры, чтобы завоевать тебя.

Он замолчал: Митя Астафьев всегда считался хорошим товарищем. Уводить любимую девушку друга-не самый лучший поступок, но Евгений мысленно отогнал от себя все сожаления по этому поводу. Он искал оправдания и нашел: Ольга сама испытывает к нему нежные чувства. И всё-таки он не был готов сегодня же на балу прилюдно объявить об их обоюдной симпатии.

Евгений вдруг закашлялся и смущённо попросил:

– Давай на балу оставим всё по-старому: ты танцуешь с Митей, а я пока побуду в стороне.

– Согласна, -неожиданно обрадовалась Ольга и, глубоко вздохнув, быстро затараторила, -Мы скажем Мите потом. Сначала нужно его подготовить. Не так ли?

– Ах, Ольга, если бы ты знала, как мне трудно отпускать тебя, даже на один вечер, -прошептал он, целуя ее руку, - Но я здесь гость: Талановы-прекрасные люди, однако меня не покидает ощущение, что приглашение на лето я получил из милости. Именно поэтому я не могу совершить, что будет не по нраву Родиону или его родителям..

В глазах девушки появилось удивление: ее задело слово» из милости». Она попробовала протестовать, но Евгений ее

остановил.

– Возможно, ты больше не захочешь меня видеть, услышав мое признание, но ты должна знать все. Нет у нас никакого имения под Екатеринославом, а отец мой-мелкий почтовый служащий в Кременчуге, и ему стоило больших усилий дать мне образование. Я хотел быть, как все, поэтому... лгал.

Он взглянул вопросительно, а Ольга в ответ лукаво улыбнулась:

– Ах, боже мой, какая досада- мой принц, оказывается, не имеет королевства... Что же, в таком случае мы-квиты!

Мой отец- сельский врач, а не хозяин поместья. Наша семья не нуждается, но и не может похвастаться состоянием.

Их губы слились в поцелуе, ведь для любящих молодых людей не так уж важны деньги и происхождение.

Глава 9

Двери и окна парадной комнаты дома Талановых были распахнуты – горели свечи в подсвечниках и большой люстре под потолком. Музыканты настраивали инструменты, а гости постепенно заполняли пространство зала. Дамы рассаживались на стулья, расставленные по периметру. Молодые люди фланировали туда-сюда из угла в угол, периодически выходя в смежную комнату, где за карточным столом уже разыгрывалась партия в вист.

Хозяева дома, Петр Андреевич и Любовь Петровна, встречали у входа прибывающих гостей, поминутно кланяясь и улыбаясь. Именинница вертелась поблизости: ей, да и остальным детям, было разрешено сегодня полюбоваться на танцующих.

Три будущие невесты-Рая, Маруся и Лиля в подготовку к балу вложили душу. По их слезной просьбе добрая маменька Любовь Петровна завила им локоны горячими щипцами, а затем уложила в замысловатые куколи. А роковая красавица Ольга Миллер не досчиталась баночки румян.

Девочки обменялись платьями, справедливо считая, что наряд подружки красивее собственного. За корсажем у девочек были приколоты по свежей белой розе-это садовник расстарался, срезал по случаю праздника.

У каждой девочки на балу имелся свой интерес.

Рая знала, что семейство Пригожих будет в Залесье с минуты на минуту, значит, Леня приедет, а с Леной никогда не бывает скучно.

Полненькая Лиля Миллер вполглаза наблюдала за Родионом, а Маруся осталась на балу из-за Евгения.

Трое будущих офицеров вышли к гостям в военной форме и сразу же овладели общим вниманием. Они и в самом деле выгодно выделялись статью среди располневших местных помещиков и молодой поросли типа Миши Таланова или Лени Пригожего. Барышни и их мамы при появлении молодых людей в форме немедленно стали прихорашиваться, поправлять прически, обмахиваться веерами. Голоса зазвучали чуть громче, а смех — чуть заливистей.

Последней в зал вошла Ольга. Она на несколько секунд задержалась в дверях, собирая восторженные взгляды. В эту минуту она, как никогда, походила на мифическую Лорею: золотистые волосы были уложены короной, глаза сияли от счастья, и от ее стройной фигуры веяло молодостью и здоровьем. Ольга кивком поприветствовала троих друзей, стараясь не глядеть в сторону Евгения, и через силу улыбнулась Мите.

В это время музыканты заиграли вальс, и на середину зала стали выходить пары.

Словно само собой разумеющееся, Ольга положила руку в белой перчатке на плечо Мити Астафьева, и они закружились в танце.

Евгений Монаков, соблюдая соглашение с Ольгой, танцевал с хорошенькой барышней из Межиц. Он старался держаться подальше от Мити, чтобы не видеть его безмятежно-счастливое лицо и не мучиться угрызениями совести. Однако, один танец сменялся другим, а скрыться от этой пары ему так и не удалось.

В зале становилось душно, и даже распахнутые настежь двери и окна не помогали. Гул голосов чередовался с веселой музыкой, топотом и стуком каблучков о деревянные полы. Евгений вышел в соседнюю комнату, проследовал мимо карточных столов и очутился на веранде.

Прелестная картина открылась перед ним: три маленькие подружки в компании единственного кавалера, исполненного значительности Лени Пригожего, танцевали все танцы подряд под гремющую на весь дом музыку. Они так заразительно смеялись и топали, подобно стаду слонов, что в конце концов их откровенное веселье передалось Евгению, и его меланхолия превратилась в дым.

– Бон суар, мадемуазель, месье.– произнес он, – Почему вы не танцуете в общем зале?

Дети переглянулись, удивлённые его внезапным появлением, и ответили одновременно.

– Мама не разрешает танцевать в зале, а только смотреть. Она боится, что мы помещаем гостям, -ответил Раечка.

– Здесь много места для танцев, – вздохнула Маруся.

– Там все будут на нас смотреть, а мы стесняется, -изобразила испуг Лиля Миллер.

– Там затопчут, -заметил Леня Пригожий.

Евгений невольно улыбнулся.

– Кстати, у вас на веранде уютнее, чем в зале. Разрешите мне присоединиться к вам на некоторое время?

Он выпрямился и напустил на себя только аристократизма, что девочки невольно, одна за другой, присели в реверансе, а Леня щёлкнул каблуками.

– Вы собираетесь танцевать с нами? -спросила Маруся, почему-то отводя взгляд в сторону.

– Если Вы не будете против, мадемуазель, -объявил он.

Дети снова переглянулись и стали горячо убеждать Евгения в том, что они "не против». Звуки нового вальса прервали их на полуслове, но никто из детей не сдвинулся с места. Видно было, что юные танцоры смущаются.

– Кажется, я все же здесь лишний, -вздохнула Евгений.– Вы не хотите танцевать при мне, не так ли?

– А Вы? – спросил Леня Пригожий, – Покажите пример, а то мы не слишком хорошо умеем танцевать вальс.

И тут Евгений сделал то, о чем Маруся вспоминала долгие

годы: он взял ее за руку и вывел на середину веранды.

Сердце девочки затрепетало, когда она осознала, что кружится в танце в ЕГО объятьях и удивительно! - Не сбивается с ритма. Она положила руку на грудь кавалеру и откинула назад голову, подражая вальсирующие взрослым барышням. Маруся поймала на себе завистливые взгляды Раечки и Лили, а также замешательство слегка обалдевшего Лени, и желала только одного, чтобы танец не кончался, как можно дольше.

Евгения же забавлялась эта ситуация: он, будущий офицер, танцует с маленькой девочкой, первой попавшейся из трёх. Он даже не обратил внимание на то, что девочка выделяется красотой и грацией и, возможно, в будущем составит конкуренцию признанной красавице Ольге Миллер.

В мыслях молодой человек вернулся в зал, к оставленной им Ольге. Ему нестерпимо захотелось увидеть ее и, может быть, потанцевать.

К счастью, музыка смолкла, и он покинул веранду, пробормотав извинения.

Глава 10

Светлая летняя ночь наконец-то, за час до полуночи, вступила в свои права. Вечерняя заря ещё не погасла, а на небе уже выпали мерцающие звёзды. Ни ветерка, ни шороха – на измученной зноем земле воцарились тишина и прохлада. Трава поникла под грузом выступившей росы, а над зеркальной речкой клубился пар.

Праздник у Талановых закончился, гости разъехались, и усталые хозяева разошлись по своим комнатам. Папенька и маменька мгновенно провалились в сон, изнуренные суетой этого бесконечного дня: принимать гостей – нелегкое дело!

Виновница торжества заснула с улыбкой на лице в окружении многочисленных подарков.

В соседней комнате Надя, пропустившая танцы, лениво размышляла о том, что нанятого на общественные деньги учителя Акима Анкудиновича придется уволить: слишком часто он прикладывается к бутылке.

Родион Таланов мечтал о покупке нового жеребца на конезаводе, а его товарищ Евгений Монаков планировал следующую встречу а «прекрасной Лорелеей».

Миша Таланов не спал: его взволновало то, о чем в течение всего вечера говорил Илья Астафьев, собравший вокруг себя немалую группу молодежи.

– ...Ты́сячелетия своей истории человечество стремилось к построению справедливого общества, и сейчас мы, как никогда, близки к исполнению этой заветной мечты, -говорил Илья с таким видом, словно репетировал монолог из какой-то новомодной пьесы. -Скоро лозунги Великой французской революции-«свобода», «равенство», «братство» -получат своё воплощение в Российской империи. У нас не будет несчастных или голодающих, и мы навсегда покончим с таким позорным явлением, как эксплуатация человека человеком.

Он так громко говорил, что заглушал доносящуюся снизу музыку. Молодежь уютно расположилась на балконе второго этажа, прихватив с собой бутылку наливки из погреба. Все, кроме Миши, курили, а единственная в компании девушка, купеческая дочь Мура Трапезникова, держала в руках темный мундштук с тонкой пахитоской.

– Послушай, Илья, а сам-то ты веришь тому, что говоришь? -спросил старший брат уже знакомого нам Лени Пригожего, Володя, -«Свобода», «равенство», «братство» лозунги в принципе неправильные.

Мура, вальяжно развалившаяся в плетеном кресле, удивленно подняла брови и произнесла нечто непонятное.

– А я докажу! -продолжал Володя, – Человек по приро-

де своей не может быть свободен, он живёт внутри социума, а потому обязан выполнять его законы, чтобы не оказаться изгоем. Даже в первобытном обществе люди группировались в семьи, роды, племена, а там существовала четкая иерархия, позволяющая поддерживать порядок в межличностных отношениях.

– Не будьте смешны, Вольдемар, -перебила, его Мура, -Не выражайтесь слишком изысканно.

– Это не изысканность, Мари, а всего лишь научный термин, -возразил Володя, -И, кроме того, свобода от религии приводит человека в зависимость от порока. Представьте себе, что могут натворить обладатели неокрепших душ, если вдруг решат, что им все позволено!

– Никто и ничто не должно стеснять человеческую свободу, – проговорил Илья, -Я свободен, я атеист, но я не более порочен, чем любой из присутствующих здесь. Я не скрываю свои пороки и недостатки от других, я честен перед обществом и даю понять, чего от меня можно ожидать.

– Вы полагаете, это великое достижение- выставлять на показ свои пороки? Простите, но для эпатажа большого ума не надо, – скептически заметил ещё один его оппонент, реалист-выпускник Николай Уткин.– Мура, обкуривающая нас с утра до вечера, эпатирует не меньше, но не делает далеко идущие выводы из своего курения!

Мура коротко хихикнула, и обиженный Илья недовольно

покосился на нее. Поджав губы, он продолжал:

– Я не ищу заслуг, я лишь хочу свободы и процветания для моего многострадального народа. Посмотрите, как вы живёте? Едите, пьете и прохлаждаетесь в ваших дворянских гнездах? А вы подумали, принадлежит ли вам это по праву?

Миша раскрыл рот и хотел сказать, что Талановы владели Залесьем испокон веков и передавали по наследству от отца к сыну. Илья же, как будто прочитав его мысли, оговорился, что не имеет в виду юридическую, а экономическую сторону вопроса.

– Как это? -округлила и без того круглые глаза Мура. Для полноты впечатления она захлопала ресницами.

– Поколения крестьян бесплатно горбатились на своего барина, чтобы тот сладко ел и пил, отстраивал себе дворцы... А мы восстановим историческую справедливость, и все, что принадлежит народу, поделим поровну.

– В этом что-то есть, – с сомнением произнёс Николай Уткин, –Но как, к примеру, разделить Залесье? Между своими, залесскими? Или межицкие с дубенскими тоже потребуют свой кусок? А барин с барыней? Их отделить так же, как и всех, или дать поболе?

– Поболе, -с таким же сомнением произнесла Мура.

– Нет, как всем, -горячо возразил Илья и даже хлопнул ладонью по маленькому столику, да так сильно, что наливка выплеснулась из наполненных рюмок, -Именно, как всем,

иначе нарушается главный принцип революции – «равенство».

– Ну да, если дойдет до революции и дележа, то у Талановых я хотела бы забрать трельяж красного дерева, который стоит в Надиной комнате. А от Вас, Вольдемар, старинную жирандоль из бронзы, -мечтательно произнесла Мура и потянулась за портсигаром.

– Хотеть не вредно, но кто же вам позволит делить чужое имущество? -возмутился молчвший до этого момента Миша Таланов, – Вы находитесь у нас в гостях и строите дикие планы разорения нашего дома-неслыханно! Позволь спросить тебя, Илья, по какому праву ты здесь расплряжаешься? Если тебе не терпится что-либо поделить начни с папиной фабрики! Поделишь склады, ваш дом в Больших Дубах! И не зарься на чужое!

– Да я не зарюсь! И не для себя стараюсь, -Илья невольно начал оправдываться, -Представь, если все будут равны, богаты, свободны! Какая прекрасная жизнь начнется у нас! Не будет ни нищих, ни голодных!

– ...Волк возляжет рядом с ягненком, -продолжил Володя не без скепсиса в голосе.

– Да вы просто держитесь за свои дома, деньги, землю и не думаете о судьбах родины, -,Илья так разобиделся, что едва сдержал слезы.

Он с размаху сел рядом с Мурой и залпом выпил рюмку наливки. Девушка немедленно обвила его руками за шею и,

нараспев, произнесла:

– Бедный, бедный Илюша! То, что ты придумал, это классно –взять и поделить! Не волнуйся, миленький, Мура тебя понимает, как никто другой.

И она, шутя, поцеловала его в висок, оставив на нем карминно-красный след.

– Только, то, что ты здесь предлагаешь, это полный бред, – сказала Володя, –Причем бред, идущий против человеческой природы. Ты хочешь разбудить в человеке зверя и выбросить на помойку сознания десять христианских заповедей, Представь, какие страсти разгорятся при вашей дележке! Кстати, Мура, ты не подумала о том, что не ты одна мечтаешь о трельяже красного дерева, а,к примеру, Дуня Митина? Она мечтает так сильно, что готова убить любого, кто к нему приблизится.

– Победит тот, кто выстрелит первым, –ответила Мура с неожиданным равнодушием.

– Таким образом, мы получаем первую кровь из-за трельяжа красного дерева, –закончил свою мысль Володя, – А сколько таких трельяжей во всей огромной Российской империи! Прости, Илья, но твои лозунги, вместо процветания, приведут нас к хаосу и кровопролитию.

Спор продолжался ещё некоторое время, но Миша Таланов ушел в смятении. Он, то соглашался с Володиёй, то вос-

хищался идеями о всеобщем равенстве, которые так яростно защищал Илья. Он так и не решил, на чьей стороне правда.

Глава 11

После праздника у Талановых жизнь в Больших Дубах, имении Астафьевых, покатилась без особых происшествий, даже скучновато. Из всех событий остатка лета Маруся могла припомнить только появление у них новой кухарки Домны и ее сына Афони, ровесника Ани. Последний заинтересовал девочек больше, чем тихая незаметная мать.

Знакомство состоялось во дворе, где Афоня щипал лучину для растопки. Он пыхтел и старательно отдувался, стоя над огромным чурбаком, и аккуратно обрабатывал ольховое полено.

Увидав остановившихся неподалеку девочек в платьях из светлого маркизета, соломенных шляпках с лентами и с кружевными зонтиками в руках, Афоня построил им такую страшную гримасу, что младшей девочке Марусе захотелось заплакать. Она сдержалась, взглянув на старшую сестру: вежливая и воспитанная Аня построила в ответ точно такую же гримасу и облила наглеца презрением.

Получив отпор, малолетний хулиган был обескуражен, но ненадолго. Он вытащил из кармана рогатку и горсть сухих речных камешков и стал по очереди обстреливать обеих сестер.

От чувствительного удара в голень Аня вскрикнула и, схватив первое попавшееся полено, бросилась в атаку

на обидчика, а Маруся громко завопила.

На крики сбежались домашние. Домна тоже оторвалась от плиты и заголосила, наблюдая, как два рослых конюха растаскивают драчунов в разные стороны.

– Аня, отдай полено, -уговаривал Митя, но сестра остервенело прижимала его к себе и глядела на всех безумными глазами.

Маруся продолжала вопить, уткнувшись в колени матери.

– Ну и что здесь произошло? -строгим спросил Илья, обращаясь к загнанному в угол Афоне.

– А я почему знаю, -ответил тот, набычившись, – Я колол лучину, а тут пришли ваши барышни и стали меня бить.

От удивления Маруся прекратила вопли и оторвалась от материнских колен. Аня же громко запротестовала:

– Неправда. Это он начал стрелять в нас из рогатки и попал мне в ногу.

Она с гордостью показала ушиб на голени и дырку на чулке в месте попадания камнем.

– Врет! -воскликнул Афоня, покраснев до корней волос, -Это она сама упала!

– Упала назад? -спросила Митя, осмотрев ушиб.

– Ну да, -подтвердил наглец и тоже посмотрел на ушиб.

– Интересно, как она могла упасть назад, если не порвала и не запачкала платье на спине? -усмехнулся Илья.

Как будущий юрист, он уже готовился уличить преступника и восстановить справедливость.

– Скорее всего, врёт не она, а ты, -последовало заключение, но Афоня не испугался Ильи.

– А ты докажи, -пробормотал он.

– Мама, как раз этот мальчик нас пугал и кидался камнями, -пожаловалась Маруся, прижимаясь к матери, -А мы ничего не делали, а просто защищались.

– Защищались так, что побили мальчика поленом, -грустно заметила мать.

– А Вы, маменька, предпочитаете, чтобы он нас избивал, издевался над нами? А мы бы отмалчивалась? Так вот, этого не будет! -дерзко сверкнув глазами, возразила Аня.

– Я бы хотела, чтобы мои дочери вели себя, как истинные леди, и не опускались до уличных драк.

Афоня, внезапно почувявший защиту со стороны барыни, стал охать и кряхтеть, потирая ушибленное место, но стоящий рядом Митя тряхнул его за воротник, и он стушевался.

– Мама, о воспитании сестер мы поговорим потом, а пока нам надо решить, как наказать этого Малютку Скуратова, -предложил старший сын.

– За что наказывать? -взвыл Афоня, освобождаясь из его цепких объятий.

– Да, Господи, были бы силы, сама б затряхнула варнака, –

всхлипнула Домна, -Которую службу теряю из-за тебя, постен ты этакий! И нигде ужиться не можешь. Отец у него тоже был такой: бил и дрался со всеми без разбора, пока цыгане не уходили лопатами, когда он у них жеребца украл.

— Домна, я вовсе не собиралась тебя прогонять, несмотря на инцидент, -заявила барыня, -Сделаем так, попробуем подружить Афоню и девочек.

Аня и Маруся переглянулись, обиженные; им вовсе не улыбалось продолжить это неприятное знакомство, но Илья неожиданно поддержал идею матери и согласился «помочь в воспитании Афони».

Митя же, напротив, был настроен скептически.

— Папенька, из волчонка не вырастет кролик, как ни корми его капустой... А, впрочем, поступай, как знаешь.

К сожалению, опасения Мити полностью подтвердились: Афоня, изображая в присутствии барыни ходячую добродетель, продолжал тайком терроризировать девочек. Упаси боже, он больше не вступал с ними в открытую схватку, а нападал исподтишка, стреляя из рогатки или бросая комки грязи из-за угла, и тут же стремительно убегал.

Однажды он пребольно ударил Марусю палкой по спине, и она не посмела пожаловаться из опасения, что маменька ей не поверит.

Положение стало окончательно нестерпимым, когда распоясавшиеся негодяй подкараулил Аню, одиноко сидевшую

в беседе с книгой, и поцеловал ее.

Бедную девочку чуть не вырвало! Не о таком первом поцелуе она мечтала. Начитавшись Тургенева, она твердо усвоила аксиому: «Умри, но не давай поцелуя без любви».

И что же? Вместо благородных тургеневских героев в сюртуках и галстуках, причёсанных и гладко выбритых – липкие губы кухаркиного сына. И пахнет от него позавчерашнего сметаной, и одет он в синюю линялую рубаху из китайки и холщовые штаны. И смеётся он дико, и угрожает всерьёз: – Посмей только кому рассказать- хуже будет.

Аня долго мыла лицо с душистым мылом, стараясь оттереть ненавистный Афонин привкус. Она не пожаловалась матери, полагая, что та сочтет ее порочной. И только Марусе она поведала обо всем, обливаясь слезами и заставляя давать клятвы, что сестра никому не проболтается.

Младшая горячо сочувствовала старшей, но помочь не могла.

А положение становилось хуже день тот дня. Почувствовав свою безнаказанность, Афоня дошел до того, что стал требовать от Ани деньги за молчание.

– Иначе расскажу твоим, что ты меня целовала в губы, -не унимался он, – А губы сладенькие, что твой ландрин. Плати, барышня, и не вздумай шутить!

Глава 12

Бедной Ане было не до шуток. Ожидая от Афони следующей подлости, она закрылась в своей комнате и перестала выходить даже к обеду, сказавшись больной.

Но окончательно избавиться от терзающей ее доуки не удалось: Афоня все свободное время крутился под ее окном, орал и пытался заглянуть внутрь, подтянувшись на руках. Он цеплялся за подоконник и громко смеялся. Аня в ужасе забивалась в угол комнаты и подумывала о самоубийстве.

Маруся сразу догадалась о причине внезапного заболевания сестры, а вид прыгающего на одной ножке обидчика, да ещё и распевающего гадкие песни, вызвал в ней сильное возмущение.

В добавок к нахлынувшим на нее чувствам, Афоня припустил штаны и на мгновение обнажил перед спрятавшихся за занавесками сестрами, круглую задницу,

Маруся резко задернула полуторки на окне и решительно покинула дом.

— Хватит терпеть выходки этого придурка, -возмутилась она по дороге в Большие Дубы.-Разыщу Митю и попрошу его побить Афоньку.

Она знала, что Митя и Илья в компании с братьями Тала-

новыми с утра ушли на рыбалку: в речке Дубенке, как раз напротив деревенских домов, водились крупные щуки и налимы.

— При маме и папе этот наглец и не смотрит в нашу сторону, только улыбается и кланяется. Мама верит этим улыбкам и не замечает, что внутри он смеётся над нами.

Маруся заметила с дороги крупную землянику в сочной зелёной траве и машинально сорвала ягоду. Руки запахом сладким мылом. Маруся, немного поколебавшись, сорвала ещё одну ягоду и мигом проглотила.

Стараясь не отвлекаться, она далее заменила по тропинке и вскоре выбежала на заливной луг, расположенный в пойме реки Дубенки.

Кое-где траву уже выскочили, и она сохла в валках. Берега речки и многочисленных прудов оставались заросшими осокой, таволгой и кипреем. Эти пруды на местном наречии назывались мочила оттого, что крестьяне мочили в них лен.

Маруся припустила к речке, где из-за кустов доносились веселые молодые голоса: братья Астафьевы и братья Талановы ловили под камнями налимов.

Вдруг девочка остановилась, как вкопанная: ей пришлось в голову, что неприлично смотреть на братьев, одетых только в мокрые подштанники, покрытые зелёными нитями тины от частого ныряния.

То, что они рассердятся, это полбеда, а захотят ли после этого помочь им с Аней?

Пока она размышляла таким образом, на луг из-за кустов выскочил Миша Таланов. Очевидно, его послали за ведром для улова. Он заметил Марусю в трёх шагах от того места, где рыбаки соизволили сложить свою одежду, ойкнул и, не выпуская из рук ведро, бросился назад.

– Миша, – жалобно позвала его Маруся, – Выйди пожалуйста! –

Из кустов показалась недовольная физиономия мальчика.

– Что ты здесь делаешь? – сурово спросил он.

– Надо, – содержательно ответила она и уставилась на край своих туфелек.

– Отвернись, – попросил мальчик, вздохнув.

Маруся подчинилась, а, когда Таланов-младший предстал перед ней в сером летнем костюме, неожиданно зарыдала.

– Марусь, ты что? Случилось что-нибудь? Тебя обидели?, – растерялся Миша.

И Маруся, подчинившись внутреннему импульсу, рассказала Михаилу все без прикрас и утайки.

– Почему ты так долго молчала? – возмутился он, когда печальные Марусиным откровения подошли к концу. – Не говори, что мама на его стороне – ты же после вашей драки во дворе не пыталась ее переубедить?

– Я думала, она нас не любит, – вздохнула девочка.

– Как ты можешь так говорить о матери? Если этот подлец запорошил ей глаза и влез в душу, то это вовсе не означает, что она вас не любит.

– Я хотела попросить Митю нам помочь, -Маруся замаялась и кивнула в сторону речки.

Она вопросительно посмотрела на Мишу, догадываясь, что оторвать брата от рыбалки будет нелегко.

– Сами справимся, -заявил он, -Слишком много чести для такого подонка, если им займётся Митя. Вот что, пусть Аня согласится передать ему деньги, ну скажем за дровяным сараем. Кстати, сколько он с нее требует?

– Пять рублей, -уныло произнесла Маруся.

Миша присвистнул от удивления: в то время это была довольно приличная сумма.

А через два часа с Афоней все было закончено. По просьбе Михаила Аня встретилась со своим мучителем в дровяном сарае, якобы, для передачи денег. В назначенном месте на Афонию внезапно напал Миша Таланов и хорошенько отдубасил! Застигнутый врасплох, юный лицемер был совершенно деморализован, к тому же Миша применил к нему несколько болезненных приемов джиу-джитсу. В конце концов Афоня сдался и запросил пощады, размазывая по лицу злые слезы.

– Не приближайся к девочкам, -напутствовал его Миха-

ил, – И не смей требовать с них деньги за своё враньё, иначе мы представим свою версию, и, будь уверен, тебе мало не покажется.

Целый месяц Афоня сторонился девочек, а затем уехал в Песчанск учиться на путевого обходчика.

После этого случая сестры Астафьевы подружились с Мишей, но, если у Ани преобладал элемент влюбленности, то Маруся приобрела верного друга и советчика. Говоря взрослым языком, он стал для нее авторитетом, почти таким же, как отец и мать. Или старшие братья.

Уезжали сразу же после яблочного Спаса. На платформе станции Вязовка собралось столько народа, что наглым голубям не осталось места для неспешных прогулок в поисках зёрен.

Будущие офицеры и Илья Астафьев накануне уже отбыли в столицу. Миша и Рая Талановы уезжали в Песчанск вместе с Астафьевыми. Рядом в ожидании поезда стояла Ольга Миллер: ей предстояло учиться ещё два года.

Маруся оглядывалась по сторонам и вдруг с удивлением заметила элегантную даму Веру Павловну Благовидову в шелковом плаще цвета маренго и такой же шляпке. Чуть поодаль стоял ее муж, действительный статский советник, возле багажа прогуливалась молоденькая горничная Благовидовой с маленькой девочкой, одетой в вязаный капор и красное пальто.

– Что это за девочка у Благовидовой? -спросила Маруся у мамы, – У них же только мальчики в семье.

– Добрая барыня Вера Павловна благодетельствовала детей Андреевой Марии из Межиц, упокой, Господи, ее душу., -ответил ей, вместо матери, Кланы, кухарка Талановых, – Филю забирают в приют при монастыре, Федя послужит в казачках у купца Чудеева, а младшую Агашу Вера Павловна хочет удочерить.

Неподалеку от девочки Маруся увидела двух мальчиков крестьянского вида, стриженных «под горшок», крепеньких, лобастых. Они сидели, сложив руки на коленях, словно перед фотографом, и молча наблюдали за суетой на перроне.

– Грустно, -подумала Маруся, – Возможно, братьев и сестру разлучают навек.

В носу щекотало, хотелось плакать, но в этот момент к перрону подошёл поезд, и девочка поспешила на посадку.

Глава 13

Маруся и Рая поступили в первый класс Мариинской женской гимназии. Там уже четыре года училась Аня. Рая была пансионеркой и ночевала в дортуаре при школе, где жили несколько иногородних девочек. Она с трудом привыкала к городской жизни и сильно скучала по Залесью. Уличная суета ее раздражала, учеба не нравилась и, если бы не поддержка брата Миши и подруги Маруси, Раечка охотно сбегала бы домой под мамино крыло.

Но постепенно и она втянулась в новую жизнь и даже радовалась тому, что не нужно разлучаться с Марусей, – можно ходить на городской каток или прогуливаться по Кахановскому бульвару, а иногда в сопровождении кого-нибудь из взрослых посещать синематограф.

Горожанка по рождению и образу жизни, Маруся легко приспособилась к новым обстоятельствам. Ей же не пришлось покидать родной дом, оставить родителей и привычное окружение. Маруся любила учиться, и даже классная дама Александра Дмитриевна, перед которой трепетало не одно поколение учениц, не мешала ей. Девочка привыкла не обращать внимание на окрики и придирки классной дамы – это означало всего лишь досадную помеху в получении новых знаний. В конце концов Марусина оппонентка отстала от нее, заметив полное равнодушие последней.

Между тем осень и зима в Песчанске выдались беспокойными: маленький губернский город бурлил, взбудораженный отшумевшей недавно в столице революцией, а также слухами о том, что многие бунтовщики бежали из Санкт Петербурга, чтобы осесть на некоторое время в нашей тишайшей провинции.

Астафьев-старший старался не думать об этом, пропадая целыми днями на фабрике и в складах. Мать, Анастасия Александровна, не интересовалась происходящим в столице. Правда, ей невольно приходилось выслушивать новости, принесенные кухаркой с базара. Так же ей подробно рассказывали о политике Зимнего Дворца молочница, мясник и торговцы взранос.

Но, если хозяйка дома частенько ругала непрошенную вестницу и просила не повторять глупости, то в лице барышень кухарка находила благодарных слушательниц.

А слухи доносились, один интереснее другого.

Пропали лекарства из общественной больницы -нет никаких сомнений, что их похитили бунтовщики. Кроме всего прочего, недоставало бутыли со спиртом. И ничего, что больничный сторож Михалыч, как говорится, «не просыхал» со дня предполагаемой кражи, все равно, виноваты бунтовщики.

На Сергиевской улице возле губернского банка появился новый нищий, якобы, инвалид Японской войны. Все вроде бы так, но уж больно смуглый и чернявый, не иначе шпи-

он с Кавказа. К тому же не пьет – очень подозрительный тип.

В доходном доме Ланцовых на Спасской улице поселился какой-то нерусский, говорят, итальянец, художник. Он приехал в Песчанск преподавать в местной художественно-промышленной школе. Странный тип!

Фёкла, служанка Ланцовых, рассказывала, что первым долгом приезжий побежал в музей – ну разве это не подозрительно? За входной билет целый гривенник заплатил! А чего там, в музее, смотреть-то? Жилец этот говорит, картины. Вон Ванька-разносчик за три копейки какие хош картинки продаст. И с продолжением!

На зимние каникулы домой из Петербурга приехал Илья. Он не хвастался своими успехами в изучении юриспруденции, а, напротив, заявил домашним, что продолжать карьеру на этом поприще не собирается, а диплом юридического факультета важнее для отца, чем для него самого.

Федор Иванович злился, пытался спорить, а Илюша в ответ погружался в рассуждения о будущем России, о благе человечества. Иногда главной темой становилась тема революции, которая, как очищающий ливень, сметет всю мерзость с лица земли.

Отец злился ещё больше, говорил, что Илья в столице совсем разум потерял, и, вместо серьезной учебы, водит дружбу с болтунами. Такие словесные перепалки случались каждый вечер, и Марусе казалось, что это понарошку, и, когда папе и Илюше надоест разыгрывать одну и ту же пьесу, они

рассмеются и поклонятся перед зрителями, совсем как артисты в городском театре. Но дни шли за днями, а репертуар не менялся. Более того, их спор продолжался и в папином кабинете за закрытыми дверями.

Маруся и Аня сгорали от любопытства: если разговор шел только о судьбе России, то зачем запирались? Мы уже слышали и об «очищающее ливне», и о грядущей революции.

В конце каникул отец накричал на Илью, и тот уехал, не попрощавшись.

Вечером Марусе не спалось. Она была обескуражена отъездом Ильи, и какое-то непонятное чувство тоски не давало ей уснуть.

Помочь в данном случае мог хороший бутерброд с черным хлебом и тминным сыром. Маруся выскользнула из постели и в одних шерстяных носках зашлепала по коридору в кухню.

Там горел свет – это кухарка припозднилась с уборкой и приготовлением теста для пирожков. Ее дочь Лиза помогала ей по мелочам.

– Как страшно Федор Иванович кричали на молодого барина, -произнесла Лиза, занятая сметанием пыли с большого стола.

– Молодой барин заслуживает порки, а он ещё легко отделался, -отозвалась ее мать, – Полгода живёт в столице, а совсем, как чужой. Подумать только, такой бред несёт, прости, Господи. А ведь образованный!

– Да что ж он такое совершил? -всплеснув руками, воскликнула дочь, -Болтает себе чудное, а так тихий.

– И, милая, иной раз болтовня страшнее ножа и пистолета.

Отец работает день и ночь, фабрику на себе тащит, старается семью обеспечить, образование дать, а Илья не постеснялся, предложил семейные деньги отдать на революцию.

– Да ты что! -ахнула Лиза.

Подошедшая к двери Маруся замерла, услышав эти слова. О чем идёт речь? О каких деньгах? Если о тех золотых десятках, что лежат у маменьки в шкатулке, то ими распоряжаются родители. Мама говорит, что это "на черный день».

– Помнишь, позапрошлом зимой народ бунтовал? Ещё базар был закрыт, да трамваи не ходили? Так это и была революция, -пояснила кухарка.

– Господи, да зачем же на бунтовщиков деньги давать? -удивилась Лиза.

– И я о том же! -похвалила ее мать, -Только, мне кажется, бунтовщики пропьют и прогуляют нажитое, а молодой барин этого не понимают. А ведь деньги-то не только Илюшины, но и Дмитрия Федоровича, и Анны Федоровны, и Марусеньки с Ванечкой. Ну и барынины, конечно. Барин пригрозили, что не заплатят за университет. Ничему хорошему там все равно не учут только бражничать и безобразничать. А раз так, зачем за это платить?

Глава 14

Через неделю после этого разговора случилось происшествие, потрясшее весь тишайший Песчанск. Пропала Таня Воскобойникова, ученица выпускного класса женской Мариинской гимназии, младшая дочь губернатора.

Пропала, и в течение нескольких дней полиция и добровольцы не могли отыскать никаких следов исчезнувшей девушки.

Накануне ее видели идущей по Ивановской улице. Кажется, потом она свернула в сторону Кахановского бульвара. На Танечке было надето красное пальто с белым меховым воротником, белая шапочка и такая же муфта. Пальто было единственным в своём роде – его сшила портниха Гербер (салон "Версаль», Сергиевская улица), страшно популярная среди Песчанске высшего общества, но жутко дорогая.

Но на Кахановском бульваре никто не видел ни саму Танечку, ни ее заметное пальто. В городе бродили слухи, один невероятнее другого.

Кто-то видел Танечку в бричке, несущейся по снежной дороге в сторону Елизаровского монастыря. Понятное дело, рядом с ней сидел красавец – офицер.

.. -Не иначе, венчаться тайком то родителей-,решили обыватели.

Полиция проверяла причастность местного криминального элемента к похищению дочери губернатора, но вызванные на беседу, либо захваченные во время облавы урки клялись, что "век свободы не видать», если кто-то из них посмел покуситься на губернаторское дитя.

Подозревали даже местных цыган, коротающих зиму на окраине Песчанска. Часть из них продолжали жить по старинке, в кибитках и занимались торговлей лошадьми, а другая часть пела в хоре в ресторане при гостинице "Парадиз». Чтобы отвести от себя нелепые подозрения, руководитель хора Илья Тараканов лично явился в участок, где уверял представителей власти в кристальной честности своей и своих подопечных, послушании и уважении закона.

Несчастный отец выдвинул предположение, что дочь похищена с целью выкупа, однако никто не требовал у него денег за освобождение Тани.

У Астафьевых за вечерним чаем тоже обсуждали происшествие, и родители предположили, что девочка, возможно, связалась с бомбистами.

– В этом отношении губернаторское семейство имеет печальный опыт, - вздохнула Федор Иванович.

Он имел в виду громкое дело почти тридцатилетней давности по обвинению в терроре группы народовольцев, В этом деле оказалась замешана племянница тогдашнего губернатора. Пятеро несчастных, и она в том числе, были каз-

нены через повешение, а губернатор едва не лишился должности.

Аня отрицательно покачала головой: она слишком хорошо знала Таню, чтобы согласиться с предположением отца. Миловидная легкомысленная Танечка, любительница танцев и развлечений, жила осознанием своей красоты и папиного статуса. Мысли о неравенстве в обществе никогда не посещали ее хорошенькую головку, а потому легче было согласиться с версией о бегстве в бричке с офицером, чем о бомбистах.

Маруся же едва вспомнила, кто такая пропавшая Таня: гимназистки старших классов кажутся первоклашкам чуть ли не небожительницами.

Между тем, за столом у Астафьевых присутствовал человек, который мог бы дать нить расследования в руки полиции и, возможно, пролить свет на участь Тани, но этот невольный свидетель предпочитал молчать.

Миша Таланов видел, как в тот роковой для себя день Таня свернула за угол во двор доходного дома Синякиных на Кахановском бульваре, где ее поджидал Илья Астафьев.

Молодые люди сели в крытый возок и уехали в сторону Михайловского посада в компании троих парней, по виду студентов.

Мишу раздирали противоречия: он не знал, как поступить?

Пойти и рассказать обо всем в полиции, означало, выдать

Илью, а доносить на ближнего Мишу считал недостойным делом. Кроме того, наслышанный о ссоре между отцом и сыном, об отъезде последнего в Санкт Петербург, мальчик допускал возможность ошибки. Он вполне мог обознаться, потому что видел Илью со спины, к тому же с противоположной стороны улицы.

А, если не ходить в полицию и оставить все, как есть, то не отразится ли это на судьбе Тани? Возможно, девушке грозит опасность, и его трусливое молчание доведет ее до смерти?

Миша рассеянно слушал речи за столом и невпопад кивал головой. Обладавший хорошим аппетитом, как все подростки, сегодня он почти ни к чему не прикоснулся, вызвав недоумение хозяев.

Федор Иванович заметил, что с мальчиком творится что-то неладное, и решил поговорить начистоту. Он позвал Михаила в библиотеку под предлогом показа новых приобретений. За закрытой дверью начался трудный разговор.

Михаил доверился соседу, полагая, что Федор Иванович расставит все по местам. Кроме того, он считал Астафьева лицом заинтересованным, ведь Илья его сын.

Выслушав мальчика, Федор Иванович задумался: теперь дилемму Михаила предстояло решать ему. Ах, Илья, Илья...

Понесла тебя нелегкая в политику! И чего тебе не хватало в жизни? Разве, птичьего молока, да и то, за деньги все можно достать... Сколько неимущих даже мечтать об уни-

верситете не смеют, а ты за первый же семестр сумел обратиться «хвостами»! Мог бы от них избавиться до каникул, а ты тайком вернулся в Песчанск!

А что тебя связывало с дочерью губернатора? Куда вы собирались вместе уехать? Предположение о романе не выдерживает критики: не ты ли называл ее отца кровопийцей и эксплуататором, а его детей – «паразитским отродьем»? Не ты ли восхищался палачами -вождями Великой французской революции, и говорил, что настанет час, и наша плутократия поднимется на эшафот! Не ты ли высмеивал наряды Тани, ее походку, манеру разговаривать?

Скорее всего, легкомысленная девушка сама прибилась к вашей организации и тоже стала мечтать об обществе справедливости. Что-что, а задурить голову кому угодно, вы умеете! Наверняка обхаживали ее с целью получения денег для вашей треклятой революции! После того, как Илюша имел наглость требовать у меня пожертвовать деньги на революцию, я поверю во что угодно.

Глава 15

Встревоженный Федор Иванович попросил Мишу Таланова не предпринимать никаких шагов, по крайней мере, в течение трёх ближайших дней. Сам же он отправил телеграмму сыну в Петербург:

«Беспокоит молчание».

В тот же вечер от Ильи пришел ответ:

«Много занимаюсь здоров пришли деньги».

Федор Иванович вздохнул с облегчением и решил, что Миша Таланов ошибся и принял за Илью другого человека. Значит, его сын не имеет никакого отношения к этому делу. Он почувствовал, как отпускает напряжение, охватившее его во время разговора с Мишей. Он осторожно потирал рукой грудь и глубоко вздохнул. Может быть, сын возьмётся за ум, закончит курс в университете и преуспеет в карьере адвоката.

Он так и не придумал, что сказать Мише. То, что он ошибся? Что Илья не покидал столицу, и мальчик спокойно может свидетельствовать в полиции? Астафьев готов сопровождать туда нечаянного свидетеля.

В полиции к рассказу Михаила отнеслись более, чем серьезно. В участке подробно записали его показания в протокол, дали почитать и подписать. Естественно, мальчик ни словом не упомянул об Илье Астафьеве

Тем временем наступил пасмурный март. Морозы, надоевшие всем с конца октября, сменились серой оттепелью. Ноздреватый снег постепенно таял, и вскоре потоки воды устремились к реке, подламывая под ней лёд. Начавшийся ледоход решил загадку с исчезновением Танечки: ее тело вынесло разливом в речную пойму, и там оно зацепилось за кусты краснотала. Приметное пальто отсутствовало, вероятно, смытое водой. Из одежды на теле девушки было форменное коричневое платье и фартук с вышитой на нем буквой "м» - эмблемой Мариинской гимназии.

Опознали ее по одежде и обуви: пребывание в воде сказалось на состоянии трупa, а установить причину смерти предполагалось после вскрытия.

Версия об утоплении отпала незамедлительно, как только прозектор местной больницы обнаружил на шее покойной следы удушения. В полиции открыли дело по факту убийства девицы Татьяны Антоновны Воскобойниковой, семнадцати лет от роду, дворянки. Следователь принялся за показания гимназиста Михаила Таланова.

Его заинтересовало упоминание о дворе доходного дома Синякиных. Свидетель утверждал, что видел потерпевшую, она свернула за угол с Кахановского бульвара и вошла в этот двор. Там ее ожидал возок и трое молодых людей. Очевидно, Татьяна была с ними хорошо знакома, иначе она не поехала бы с ними.

Стоп! А откуда гимназисту известно, что речь шла именно

о Тане Воскобойниковой? Могли ли они быть знакомы? Образ жизни гимназистки можно назвать замкнутым: дом, гимназия, прогулки с подругами, летом-дача. Познакомились в гимназии? Влюбленность? Навряд ли выпускница обратит внимание на тринадцатилетнего подростка!

Что-то не то в показаниях мальчика, Не то! И не на пальто он обратил внимание-мужчины не берут в голову такие глупости, как одежда и украшения. Нет, скорее всего среди этих троих был кто-то знакомый мальчику. Именно за ним он наблюдал, а девушка очутилась в поле зрения случайно.

Следователь пометил у себя в блокноте: повторная беседа с М.Т.

Предыдущее дознание провели бездарно, словно исчезла не дочь губернатора, а городская сумасшедшая Улита.

Если возок наемный, то необходимо порасспросить в транспортных конторах: там обязаны регистрировать данные нанимателя, а это непременно даст ниточку к продолжению следствия. Кроме того, подворные обходы, которые ещё никто не отменял, могут стать полезными в отношении новых свидетельств.

Возможно, кто-нибудь из жильцов дома видел этих молодых людей и сможет узнать одного-двоих, ведь, согласно показаниям гимназиста, они довольно долго поджидали Татьяну, околачивались во дворе. Праздно шатающиеся неизвестные вызывают любопытство жильцов.

К сожалению, начало следствия, а именно, беседа с гим-

нацистом Талановым ни к чему не привела: мальчишка упорно отказывался признавать, что среди этих троих был кто-то знакомый. Он настаивал на том, что заметил именно Танию-«на ее приметное пальто нельзя не обратить внимание». На вопрос, был ли он знаком с Таней, ответил отрицательно, добавив, что несколько раз видел ее на катке в окружении друзей.

— А о том, что она-дочь губернатора, известно всему Песчанску, -парировал Таланов.

Следователю ничего не оставалось, как принять объяснения мальчика и отпустить его с миром.

Более результативным оказалось обращение в транспортные конторы. К концу первого же дня выяснилось, что накануне исчезновения Тани у извозчика Черниченко угнали лошадь с повозкой, которую, правда, к вечеру вернули. Именно поэтому пострадавший посчитал излишним обращение в полицию. На вопрос следователя, каким образом злоумышленникам удалось провернуть авантюру, извозчик сначала замялся, бубня про себя нечто нечленораздельное, а потом, махнув рукой, признался, что пил в это время в трактире на Новгородской улице возле рынка, предварительно привязав лошадь у ворот.

— Вы что, пьяница? -сурово спросил следователь.

— ,Та ни, я вообще не пью, я деньги экономлю, а в тот день бес попутал, -вздохнула извозчик.

– И всё-таки факт распития спиртных напитков имел место? – не унимался следователь.

– Имел, -виновато произнёс Черниченко и повторно вздохнул, а потом горячо возразил, -Но, господин следователь, я же не на свои пил, меня добрые люди угостили.

– И какие же это добрые люди?

Извозчик снова замаялся, а потом признался, что подвозил молодого человека с Больничной улицы на Новгородскую, разговорились в дороге, и в результате пассажир пригласил его пропустить по стаканчику в трактире. Там к ним присоединились ещё двое в студенческих фуражках с собранными кокардами. Молодые люди любезно подливали ему водку и сами заплатили за угощение. В конце концов, Черниченко так наклюкался, что очнулся через несколько часов в чулане, лёжа на ларе с мукой. Выйдя на улицу, он немедленно обнаружил пропажу повозки.

Извозчик затруднялся дать описание неожиданных благодетелей, сказал только, что пассажир был высокий, худой, «цыганистый».

Наитие ли сыграло роль, или профессиональный опыт, но следователю пришлось в голову показать любителю выпить на дармовщину фотографии лиц, состоящих под надзором полиции. И в первом же альбоме обнаружился таинственный благодетель – извозчик уверенно показал на некоего Ксаверия Стоцкого, недоучившегося студента, мещанина, урожен-

да Белостока члена организации социалистов-революционеров. Стоцкий был выслан из Москвы, где изучал медицину, после покушения на Великого Князя Сергея Александровича. В Песчанске сей юноша служил санитаром в морге городской больницы и проживал неподалеку на съемной квартире.

– Похоже, дело политическое, а не уголовное, раз уж тут замешан эсэр.-подумал следователь, закончив допрос извозчика. -Это дело, конечно, отберёт охранка и, уж будьте уверены, прошерстит все и всех.

Следователь не ошибся: дело передали в охранное отделение, но эсэр Ксаверий Стойкий скрылся, не дожидаясь ареста.

Глава 16

1909год.

Постепенно забывалась дуэль, взволновавшая семью Астафьевых. Маруся выздоровела, дуэлянтов освободили из-под ареста, а на Красную Горку сыграли скромную свадьбу Ольги и Евгения.

– Весь Песчанск насмешили своей дуэлью, -иронично заметила Аня, – Это для великих поэтов дуэль, как правило, заканчивалась смертью, а наши мальчики помахали перед носом пугачами и поставили на уши весь город.

Лето, как обычно, провели в имении Большие Дубы, только Митя оставался на службе. Осенью вернулись в Песчанск.

Новый учебный год в обеих гимназиях, мужской и женской, был ознаменован неприятными происшествиями: кто-то разбросал в рекреациях листовки, отпечатанные на гектографе.

«Гимназисты и гимназистки! Долой эксплуататоров-педагогов! Долой порочную систему учебы за оценки!

Да здравствует революция в образовании – без оценок, без домашних заданий и записей в дневниках!»

Как назло, мужскую гимназию посетил школьный инспектор, впавший в ярость после ознакомления с содержанием

листовок. Струхнувший директор гимназии поспешил обратиться в полицию, и местные сыщики рьяно взялись за дело.

Прежде всего допросили учащихся старших классов, затем вызвали сторожа и воспитателей, но ни одна деталь не позволила выявить виновного. Складывалось впечатление, что листовки залетели в школьное здание через раскрытое окно.

Вечером в просторной гостиной Астафьевых девочки обменивались впечатлениями с Мишей Талановым. Он рассказал о приезде полиции, а девочки наперебой повествовали об истерике, которую закатила директриса прямо на школьной линейке.

Федор Иванович делал вид, что читает «Песчанские новости», но в действительности прислушивался к ребячьим разговорам. Он с легким сердцем мог бы предположить, что эти листовки – глупая выходка некоего лоботряса-гимназиста, исключённого за неуспеваемость, если бы не одно обстоятельство: листовки отпечатанные на гектографе!

Илюша упоминал, что в их организации используют гектограф. Неужели «революционеры» не гнушаются распространением своих идей в гимназической среде? Воистину нет границ человеческому бесстыдству!

Он снова потёр рукой грудь, почувствовав, как перехватило дыхание, и железные обручи сдавили ребра. Ах, сынок, знал бы ты, сколько тревоги ты мне приносишь! Слава Богу, не бросаешь университет!

Через некоторое время боль отпустила, и Федор Иванович успокоился. В самом деле, зачем так волноваться? Илья в Петербурге, он не причастен к этим безобразным выходкам и, скорее всего, это действительно дело рук записного двоечника.

Между прочим, был один человек, хорошо знакомый Астафьевым, который определенно указал бы на виновного.

Афоня Храмов, сын кухарки Домны, учился в Песчанске на путевого обходчика, одновременно совмещая учебу с революционной деятельностью в группе деповской молодежи, и последняя удавалась ему гораздо лучше.

За два года жизни в Песчанске подросток не преуспел в освоении профессией, и в депо его держали на черных работах. Мастер Ломов напрасно старался вложить науку в упрямую Афонины голову, напрасно рисовал радужные картины уважаемой работы, приличного жалования, гордости от принадлежности к службе железных дорог. Молодому человеку хотелось всего и сразу, а денег столько, чтобы хватило и на ипподром, и на рестораны -Афоня имел возможность наблюдать купеческие кутежи в вокзальном обеденном зале.

В действительности же ученических денег хватало на съем угла в Кузнецкой слободе, скромные обеды в деповской столовой и еду всухомятку по вечерам.

Тянулись тоскливые серые дни, заполненные бесконечным стуком молотка по железным костылям, проверкой

стрелок и семафоров, невкусной едой и одиночеством. Афоня скучал по матери, по беззаботной деревенской жизни, но сознавал, что возврата к старому нет.

Однажды весной, когда они с мастером Ломовым делали проверку только что прибывшего состава, внимание Афони привлекла группа пассажиров, вышедшая из вагона первого класса. Это была семья – респектабельный отец, дородная ухоженная мать и две симпатичные девочки в одинаковых шляпках и элегантных пальто. Отец семейства жестом подозвал носильщика, мать равнодушно наблюдала, как здоровяк в брезентовом фартуке ставит чемоданы на тележку, а девочки с интересом озирались вокруг. Одна из них случайно встретилась взглядами с Афоней, скорчила гримасу и отвернулась.

– Вот так цаца, -вырвалось у мальчика, – И что она так важничает?

Мастер Ломов, не оборачиваясь, объяснил:

– Баренбоймы вернулись из Варшавы. Ездили сыночка проводить, он у них там в университете. Богатые -жуть!

Афоне показалась странной необычная фамилия, и он спросил:

– А кто они, дядя Митя?

– Он сахаром торгует, купец. Евреи они.

Афоня задумался: евреев в городе было не так много. Песчанск находился по ту сторону черты оседлости, и жить в нем

разрешалось не всем, а только богатым.

Торговец Баренбойм принадлежал к первой гильдии. Он поселился в Песчанске, благодаря его близости к столице. Кроме того, железная дорога разветвлялась в сторону Прибалтики, Польши, а также на юг, в Белоруссию и на Украину, а оттуда в Румынию, Болгарию, Югославию. Дом торговца на тихой Казанской улице выделялся новизной и стильностью, и даже забор представлял собой произведение искусства – хитрое сплетение металлических прутьев, розочек и полосок. Баренбойм прекрасно прижился в тихой русской губернии, его дело процветало, а нарядное ухоженное семейство дразнило своим видом обывателей.

После той мимолётной встречи на перроне Афоне неоднократно удавалось увидеть мельком девочек, таких же элегантных и надменных. Он поймал себя на том, что, с одной стороны восхищается ими, а с другой – и они сами, их наряды, поведение, даже сам факт их существования ужасно его раздражал. И сколько раз ему хотелось швырнуть помойной грязью в светлые шелковые платья сестер, отобрать у них школьные ранцы, вывернуть в лужу их содержимое и топтать, топтать, топтать чистенькие тетрадки с аккуратными пятерками.

Позже он узнал, что старшая из сестер Баренбойм, Рашель, преподает в вечерней школе для взрослых, организованной при депо.

Злые языки утверждали, что молодая учительница рассо-

рилась с семьёй, отвергнув выбранного для нее жениха, и начала самостоятельную жизнь. Она поступила на службу и сняла квартиру в районе вокзала. Родители девушки пришли в ужас от того, что их старшенькая, красавица и умница Рахилечка, общается с новыми и не соблюдает еврейский образ жизни. Более того, дочка шокировала их высказываниями, явно с чужого голоса, о "всеобщем равенстве и благоденствии», «исторической роли России в преобразовании мира» и о том, что "террор – это благо».

Впрочем, учительское жалование оказалось настолько мало, что после оплаты счетов у беглянки на руках осталась сумма, которую в школьные годы Рашель получала от папы «на булавки». Пристыженная, она вернулась назад под родительское крыло, оговорив себе возможность продолжать работу и свободно выходить из дома.

Афоня загорелся мыслью взглянуть на учительницу-миллионершу и поспешил записаться в вечернюю школу. Не понадобились и убеждения мастера Ломова.

Глава 17

Никто не обратил внимание на подростка, который, сутулясь и озираясь, вошёл в класс. Это была обычная, жарко нагретая комната с тесно продвинутыми друг к другу столами.

Вошедший вслед за Афоней молодой машинист резко сорвал картуз с головы мальчика и буркнул в ответ на его удивление:

– Имей уважение, это школа, а не кабак.

Афоня спрятал картуз в карман пиджака и сел на крайнее свободное место.

Урок ещё не начался, и от нечего делать мальчик рассматривал присутствующих. Большинство лиц были ему знакомы: машинисты и обходчики, деповские слесари и грузчики. Женщин было немного, только четыре, в одной из них Афоня узнал пожилую Анисью, уборщицу зала ожидания.

Отработавшие смену, невыспавшиеся и усталые, они тем не менее строили из себя прилежных гимназисток: громко бубнили, повторяя урок, сверяли ответы задач и повторяли вслух стихи.

«Люблю грозу в начале мая,

Когда весенний первый гром...» —

шептала Анисья, раскачиваясь всем телом.

– Да знаю я это, выучила, -вздыхнула ее товарка, -А по-

нять, не понимаю.

Она вышла на середину и прочитала перед всем классом:
«...ветренная Геба,
Кормя зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.»

– Че? Как?, -послышались голоса.

– Рашель Львовна стих учить задали для развития памяти, -принялась за объяснения Анисья, – Книжки принесли, сказали, выбирайте. Мы с Дуней выбрали это, думали, все знакомое – про весну, про грозу, ну, и стали зубрить сдуру. А последний куплет нам, ну никак не даётся! Вроде и по-русски написано, а ничего не понять.

– Так выучи другое., -подала голос Афоня и осекся: гул в классе стих, и все уставились на него.

– Ты, паря, здесь новенький, неученый ещё, -солидно произнёс машинист Долгов, -Не знаешь, как она, наука-то даёт-ся! Особливо после работы.

– Да, -с обидой заявила Дуня, – Мы с Анисья полстиха выучили, нешто зря старались?

– Нет, конечно, не зря, -раздался голос только что вошедшей в класс учительницы. Она невольно услышала реплику своей ученицы за дверью.

Всё дружно, как по команде, встали с места. Афоня тоже поднялся и... замер с раскрытым ртом. Рашель Баренбойм была удивительно красива, очевидно, такой была ветхозаветная Батшева, жена военачальника Урии, сразившая наповал своей дивной красотой храброго царя Давида. Ее слегка растрепанные рыжие кудри в тусклом свете слабой лампы накаливания сияли нимбом вокруг головы. Голубые, слегка навывкате, глаза смотрели вверх, словно видели нечто неведомое остальным. Губы, яркие без всякой помады, растянулись в приветливой улыбке. Точеная фигура учительницы казалась неуместной в этой запущенной комнате, и Афоня подумал, насколько ярче была бы эта красота в подобающем для нее месте. В ресторане "Парадиз», например. На другое его воображения не хватало.

Сзади Афоню дёрнули за рукав, и он плюхнулся на своё место. Он не сводил с учительницы глаз и даже, кажется, позабыл закрыть рот, слушая ее объяснения о том, кто такие Зевс, Геба и «зевесов орёл».

После того, как Дуня с Анисьей продекламировал Тютчева и получили заслуженные отметки "отлично», класс занялся решением задач. В голове Афони после обучения в церковноприходской школе задержались кое-какие знания, но и ему поначалу было трудновато.

Постепенно из глубин его памяти всплывали все четыре арифметических действия и даже таблица умножения, за которую учитель Анкудиныч неоднократно ставил «неуд»

и пребольно щёлкал линейкой по голове.

Афоня невольно заинтересовался задачами, включился в их решение и осмелился выкрикивать что-то с места, стараясь обратить на себя внимание Рашель Львовны.

Он возвращался домой совершенно счастливым: учительница не только отметила его старание, но и поставила другим в пример.

Так Афоня начал учиться в вечерней школе. Он из кожи вон лез, чтобы не ударить в грязь лицом перед девушкой, он спал по три часа в сутки, просиживая ночное время за школьными заданиями. Ради Рашель он был готов совершить все, что угодно. Он даже стихи учил наизусть, и не такие коротенькие, как Дуня с Анисьей. Особенно хорошо запоминался Лермонтов, а "Воздушный корабль» он читал перед всем классом на оценку и не сбился ни разу.

Рашель снисходительно слушала его неумелую декларацию, но поставила «отлично». И тут же перешла к задачам.

Афоня почувствовал разочарование: ему было мало отличной оценки. Ему хотелось, чтобы Рашель Львовна похвалила его, поставила в пример другим и, возможно, погладила бы по голове. Этим она выделила бы его из всего класса, а так он остался для нее одним из многих. И снова в душе у мальчика шевельнулось что-то темное.,словно случайно брошенный камень в подернутую пленкой лужу поднял с ее грязного дна страшное зловоние.

Ему захотелось унижить Рашель, причинить ей боль, по-

смеяться над ней прилюдно. Она была слишком чужой и слишком красивой, чтобы Афоня мог с этим смириться.

Ни одно из промелькнувших чувств не отразилось на его лице – со стороны оно казалось спокойным и даже одухотворенным.

Рашель же, обманутая его мнимой одухотворенностью, посчитала Афонию чуть ли не за родственную душу. Она подумала, что столь романтическая натура не может остаться равнодушной к стонам эксплуатируемого народа и не верить в революцию.

На перемене осторожно, чтобы никто не услышал, она предложила Афоне прийти в кружок в пятницу. Так Афоня Храмов появился в нелегальном кружке, где деповские под руководством той же Рашель Львовны изучали Маркса.

Кружок был зарегистрирован, как "общество по изучению немецкого языка", поэтому на столах, рядом с „Капиталом" Маркса всегда лежали немецкие словари и учебники. Начальство разрешило учить язык по просьбе рабочих, дескать, половина вывесок на железной дороге и вокзалах в Прибалтике и Польше выполнено по-немецки, и без знания его основ машинистам затруднительно..

По правде говоря, немецкий нужен был машинистам, как собаке пятая нога, а надписи "vorsicht", „Eingang“, „nicht gauchen" они понимали без перевода.

Солидные тома «Капитала», изданные за границей на тон-

кой папиросной бумаге, уже несколько похудели за время обучения: незадачливые «марксисты» вырывали листы из книг для скручивания сигарок.

Учительница рассказывала про прибавочную стоимость, производительные силы и производственные отношения, и вскоре Афоня понял, что в депо его нещадно эксплуатировали. По словам учительницы выходило, что 90% прибавочной стоимости от всех перевозок поступало в карман хозяину, и лишь жалкие 10% – на оплату труда мастера Ломова, Анисьи с Дуней, самого Афони и всем деповским. Возмущенный до глубины души мальчик спросил у Рашель Львовны, что нужно делать для восстановления справедливости, и она, четко выделяя каждое слово, ответила:

– Нужно отнять несправедливо накопленные богатства у правящего класса и поделить среди обездоленных.

И Афоня мысленно с ней согласился. Решение оказалось таким простым, что он удивился, как это он сам не додумался! Отнять и поделить – гениально!

И Афоня принялся «перераспределять» богатства путем банального воровства. Он наострился чистить карманы фланирующих по набережной богатеев, резал сумочки кухарок на рынке, а однажды стянул миниатюрные часы-кулон у Рашели Львовны.

Она ни на минуту не заподозрила Афоню, посчитав, что часы потерялись из-за перетершейся цепочки. Наоборот, он

удостоился ее доверия и получил первое задание – разбросать листовки в обеих гимназиях. Афоня ловко выполнил поручение, а попутно покопался в шкафу, где висели пальто пансионеров, откуда добыл мелочь: ею он тоже не брезговал.

Глава 18

1911, 18 октября.

Рыжеволосая девушкам дела на скамейке возле памятника "защитникам Песчанска от польских войск короля Стефана Батория», поставленного на народные деньги. Она никуда не спешила, спокойно любовалась буйством красок октябрьского листопада, и лишь изредка подрагивала от пронизывающего холода, но не делала попыток подняться. Вдоль длинной аллеи вязов гуляли люди. Педагог из реального училища вывел на экскурсию младших мальчиков, и они, построившись парами, поднялись на горку к памятнику. На соседней скамейке пристроилась бонна, прогуливающая двух малышей и болонку. Бонна вынула из ридикюля книгу и погрузилась в чтение, а дети, предоставленные сами себе, собирали разноцветные осенние листья. Болонка же обнюхала знакомый фонарный столб и принялась лениво тяфкать на воробьев.

Поглощённая чтением бонна смахнула слезу изящным кружевным платком.

«Jane Eyre» – девушка прочитала название романа и усмехнулась: вероятно, придуманная история юной гувернантки задела за живое пожилую некрасивую бонну. А, может быть, она сама переживает в настоящий момент нечто похожее? Однако, книга книгой, а забывать о своих обязан-

ностях негоже: шумная маленькая болонка погналась за нахальным воробьем и в азарте выскочила на Георгиевскую улицу через проход, именуемый проломом. История гласит, что он образовался от взрыва, организованного жителями города во время обороны от поляков.

Дети заметили маневр любимой собачки и, побросав листья, погнались за ней. И только сейчас бонна вернулась в реальный мир.

– Мон дье, Поль, Саша, вернитесь!, -воскликнула она, - Мими, назад!

Ее рыжая соседка решила, что «Поль"и"Саша"-это воспитанники, а"Мими» -несносная болонка.

– Медам, месье, держите детей! -крикнула бонна, обращаясь к группе гуляющих, но те лишь недоуменно пожимали плечами.

– Чем книжки читать, лучше бы за детьми глядела, курица, -вмешался неизвестно откуда появившийся дворник. Он как раз направлялся к памятнику, и вид золотисто-красного ковра из листьев подпортил ему настроение: тут за час не управишься, а ему через час позарез нужно быть дома. Дело в том, что Г-н адвокат, квартирующий в их доме, придет на обед, и, если дворник самолично откроет ему дверь и поухаживает за его лошадьми, то дело закончится хорошими чаевыми.

Бонна не снизошла до свары с дворником, а быстро пе-

решила на французский и затараторила, оправдываясь перед невольными слушателями, что и отвлеклась же она всего лишь на секунду.

Тем временем из-за пролома показались дети и бросились к бонне. Следом за ними молодой офицер вел на поводке разочарованную Мими: она уже забыла про воробья, обнаружив на незнакомой улице очаровательную помойку. А этот невоспитанный человек грубо оторвал ее от увлекательнейшего занятия. Мими хотела в отместку куснуть этого типа, но ботинки, обутые на нем, были такие грубые, не то, что домашние туфли хозяина. Болонка вздохнула и покорилась судьбе, решив, что эта прогулка не последняя, и не сегодня-завтра она пошурует на найденной помойке.

– Это Ваша собачка, мадам? -спросил офицер у бонны.

Та прервала на полуслове своё французское тараканье и кивнула головой, а потом горячо поблагодарила «мсье"за «любезность.»

– Не стоит благодарности, -улыбнулась молодой человек, -Я не мог допустить, чтобы Мими потерялась.

И объяснил в ответ на ее недоумение:

– Вы ведь служите у доктора Стасова, не так ли? Мне приходилось бывать у него по средам. Господин доктор – университетский друг моего отца.

– Ваш отец – мсье Астафьев?, -догадалась бонна.

– Совершенно верно, А я – Дмитрий Астафьев, -он улыб-

нулся, – Так что Мими мне некоторым образом знакома.

Девушка с интересом наблюдала за сценой.

– Дмитрий Астафьев... Не брат ли он Илюши Астафьева? – повторило она вслух.

Илья теперь в Петербурге продолжает революционную деятельность, а про старшего брата он как-то сказал, что тот «непробиваемый».

Впрочем, ей дела нет до братьев Астафьевых. У нее свои жизненные коллизии, и вот из-за одной из них она мёрзнет уже полчаса возле памятника. Скоро полиция заинтересуется и потребует документы.

Кто же этот тип, заинтриговавший ее, отправив записку без подписи? Он назначил ей встречу в полдень у памятника.

Уже без двадцати час, а никого нет! Если это чей-то глупый розыгрыш, то она все силы положит, чтобы узнать автора.

Между тем, с противоположной стороны на горку поднялись три монаха из соседнего монастыря. Рассказывали, что они всегда заглядывают сюда, возвращаясь из города, чтобы поклониться мужественным защитникам православной веры. Монахи простояли у обелиска, перекрестились и прошли мимо скамейки к другой лестнице.

Девушка решила, что ее терпение небеспретельно, и как только уйдут монахи, она встанет со скамейки и тоже поки-

нет городской сад.

Один из монахов задержался, заглянув ей прямо в лицо, и она уже готова была возмутиться, но попристальней посмотрев на инокa, моментально узнала того.

– Добрый день, Рашель, -сказал инок.-Спасибо, что пришла. Ты меня узнала, правда?

Рашель испуганно кивнула: это был он, ее романтический герой, эсэр Ксаверий Стоцкий.

Глава 19

Песчанские эсэры стали опекать Рашель ещё в гимназии ну как же, дочь сахарного короля Баренбойма была лакомым кусочком для организации, вечно нуждающейся в деньгах.

Расчет был на то, что часть семейного состояния так или иначе достанется дочери, и следовало только убедить наследницу пожертвовать капиталы на благое дело установления справедливого общества. А запорошить мозги юной восторженной девушке – это дело техники.

Неожиданно для Рашель ее дружбы стала добиваться некая старшеклассница, уже вовлечения в организацию: якобы, случайные встречи, разговоры с незаметным переходом на темы о «благе народном», запрещённые книги – Чернышевский, Степняк-Кравчинский. Странно, история двух замужества Веры Павловны произвела на Рашель более сильное впечатление, чем революционная деятельность народовольца Андрея Кожухова. Девушка позавидовала внутренней свободе мадам Лопуховой-Кирсановой: и как это ей все легко удалось? И из семейной клетки вырвалась, и мужа завела, и любовника, да ещё и подружила их. К тому же удачно вложила деньги в швейное производство и не прогорела.

По сравнению с жизнью эмансипированной Веры Павловны существование Рашели казалось абсолютно беспросветным.

После окончания гимназии отец выдаст ее замуж за Мейра Канторовича – и все! Рашель, подобно другим замужним еврейским женщинам спрячет свои роскошные волосы под парик, будет вести дом мужа и рожать ему детей. И так до смерти. Рашель Баренбойма перестанет существовать, как личность, а превратится в приложение к мужу и детям.

Новые знакомые подсказывали выход из беспросветного тупика. Эсэры ратовали за борьбу за всеобщие свободы, в том числе за свободу выбора. И Рашель прибилась к эсэрам, надеясь на перемены в своей судьбе.

И они не замедлили появиться: на одном из собраний восторженный юноша обратил на нее внимание. Ксаверий Стоцкий рассказывал о революционной борьбе, о баррикадах, схватках с полицией. Он уверял, что счастлив умереть за народ, и неожиданно предложил Рашель разделить с ним его жизненный путь. Поцелуй, добавленный к словам, явился весомым аргументом, и девушка согласилась.

Однако эсэры просчитались: стоило восторженной дочери только заикнуться о возможном замужестве с неевреем, как папа Баренбойм взял дело в свои руки и сказал категорическое "нет», пригрозив в противном случае лишить ее наследства.

Рашель уже всю разыгрывала роль романтической героини и, пересказывая возлюбленному папины слова, примеряла на себя жизнь в «честной бедности и любви». Како-

во же было ее разочарование, когда выяснилось, что ни для Ксаверия, ни для организации она не представляет никакого интереса без денег.

Рашель тяжело пережила случившееся, но нашла в себе силы закончить гимназию и поступить на службу в школу для взрослых. А дальше – знакомство с большевистской ячейкой и активное участие в ее делах.

Ксаверий напомнил о себе, попав под подозрение в нашу-мевшем убийстве дочери губернатора. Однажды он подкараулил Рашель возле ее дома и умолял помочь спрятаться от полиции. Он клялся, что невиновен в гибели Тани, а полиция ищет любого, на кого можно повесить это дело.

Рашель, отпустившая извозчика, очутилась один на один с Ксаверием на пустынной улице. Она была напугана его неожиданным появлением, кроме того, слухи в маленьком Песчанске распространялись с быстротой молнии, поэтому о неприятностях Ксаверия она уже была осведомлена.

Поверила ли Рашель в его невиновность? Скажем так, ей хотелось в это верить, иначе сама она в истории со своей первой влюбленностью выглядит полнейшей дурой: не раскусила подлеца, охотника за приданым, и не для себя, а для своей дурацкой организации!

Пусть же сохраняются иллюзии, что Ксаверий – не такой, что в нем сохранились остатки порядочности, и к убийству губернаторской дочки он не имеет никакого отношения.

Но, если сердце Рашель готово было принять эту версию

со всеми поправками и оговорками, то трезвый ум противился этому. Рашель предположила, что Ксаверий «влюбил» в себя Таню, «обаял», обещал жениться, чтобы немалое приданое девушки внести в общую кассу эсэров.

Но Таня, разобравшись, что к чему, отказалась от подобного варианта. И тогда эсэры убили ее.

Возможно, руки самого Ксаверия не запачканы в крови, но факт, что он служил приманкой для наивных восторженных дурочек, не является оправданием.

Тем не менее, ее лицо во время разговора с Ксаверием оставалось безмятежным. Желание избавиться от него было столь острым, что она, ни минуты не раздумывая, отдала ему только что полученное жалование. Бывший жених поблагодарил, даже руку поцеловал на прощанье, а затем направился в сторону лодочной пристани. Вероятно, он собирался покинуть город по реке.

И вот по прошествии двух лет Стоцкий снова напомнил о себе: сначала записка без подписи, а затем и он сам в одеянии инок.

– Я встречу тебя вечером, когда ты закончишь занятия, – утвердительно сказал Ксаверий и, опустив на лицо клобук, поспешил вслед за товарищами.

Глава 20

Афоня Храпов знал, что жизнь во всем ее течении разделена на полосы – светлые и темные, и рассвет наступает сразу после самой глубокой ночной тьмы. В последнее время его черная полоса затянулась настолько, что он уже отчаялся увидеть свет.

Началось с того, что заболел мастер Ломов, и Афоню поставили в пару с Ильёй Степановым, а этого Илью никто из деповской терпеть не мог из-за его вечного брюзжания по любому поводу. После двух дней совместной работы с новым напарником Афоня, неистово крестясь, дал клятву никогда не пререкаться с Ломовым и по возможности сдуть с него пылинки.

Вторая напасть оказалась более серьезной: Афоня просто-напросто попался во время кражи. Его схватили за руку в очереди за билетами в «Синематограф», когда он, улучив момент, вынимал кошелек из сумочки зазевавшейся барышни. Хорошо, что он догадался разжать пальцы и выпустить из рук добычу.

Кошелек остался лежать на полу, поэтому следователю, несмотря на показания множества свидетелей, было трудно запихнуть воришку в тюрьму. Прямых улик нет, а косвенные любой адвокат разделается под орех на судебном заседании. Афоня во время задержания клялся и божился, брыз-

гая во все стороны слезами и умоляя поверить, что никакого кошелька он не крал. Это сделал кто-то другой, а свидетели на него наговаривают потому, что он пытался без очереди пролезть за билетами.

Дежурный полицейский чин, оформлявший протокол задержания, готов был поверить Афоне, но не из-за того, что его затронули слезы наглого воришки, а просто не хотелось возиться с этим неперспективным делом, да и до окончания дежурства осталось каких-то полчаса...

Может быть, все и обошлось бы, но на несчастье Афони в комнате дежурного находился ещё один человек, имевший отношение к охранному отделению. Его присутствие было связано со сбором неких данных, поэтому агент листал уголовное дело из архива и делал пометки в блокноте. Он сидел поодаль, но невольно прислушивался к происходящему.

Сначала агент – его звали Мухин – пропускал мимо ушей разговор дежурного полицейского с задержанным, но, узнав, что последний учится в деповской вечерней школе, насторожился.

Эта школа раздражала его, словно бельмо в глазу: многие факты указывали на то, что в стенах этого учебного заведения пышным цветом расцвела большевистская пропаганда. Ниточки тянулись туда, но разузнать подробности не представлялось возможным, а также не удавалось запихнуть в школу своего агента или завербовать кого-нибудь из учащихся.

Задержание Афона явилось подарком судьбы для Мухина: пойманного на воровстве подростка нетрудно будет держать на крючке и сделать из него соглядатая.

Сделав знак дежурному выйти, Мухин взял инициативу в свои руки. Для начала он напугал начавшего было успокаиваться Афона, пригрозив тюрьмой, Сибирью и долгим судебным разбирательством. Незнакомый с юридическими тонкостями подросток струхнул: он понятия не имел о презумпции невиновности, о том, что на суде грозному прокурору будет противостоять защитник, а за такую мелочь, как карманная кража, в Сибирь не ссылают.

Больше всего его испугала возможность огласки: он только представил, как будут судачить деревенские и стыдить его мать Домну, узнав, что ее сынок промышляет воровством. Афоня оторопел от ужаса и слушал Мухина, не перебивая.

Мухин почувствовал, что «клиент» созрел, и тут же смягчил тон.

— Бывает, люди сбиваются с пути, наделают ошибок по молодости лет, но это не значит, что они должны расплачиваться за это до конца жизни, — произнес он многозначительно и замолчал.

Опытный вербовщик дал время своему собеседнику для осмысления услышанного, и Афоня, почувствовав в его словах намек на благоприятный исход, взглянул на Мухина за-

интересованно. В глазах мальчика читалась готовность пойти на все, чтобы не избежать расплаты за содеянное. Все или даже больше.

Предложение Мухина докладывать о происходящем в кружке, а также по возможности следить за учительницей, кажется, не стало неожиданностью. Нечто подобное Афоня предполагал. Совесть, если она и была, подала свой слабенький голос, но быстро умолкла, когда Мухин, кроме изъятия дела из полицейского участка, пообещал ещё и гонорар за добытые сведения.

И Афоня подписал подsunутую Мухиным бумагу, по которой он становился агентом охраны.

С тех пор прошел месяц. Неизвестно, насколько оказались полезными сведения приносимые Афоней, но юный шпион остался доволен денежным вознаграждением, поэтому он был готов утроить старания.

Ему показалось странным, что учительница против обыкновения не вышла после занятий вместе с учениками, а, выведя всех, тянула время, словно ожидала кого-то. Это настолько не вязалось с ее привычками, что Афоня решил проверить, в чем дело. Он затаился за углом, невидимый в тени, и наблюдал, как она гасит свет в школе и вешает на дверь замок.

Темная мужская фигура вынырнула из-за складов, очутившись за спиной у перепуганной девушки. Рашель даже вскрикнула от неожиданности.

– Не бойся, это я. Пришел, как договаривались, -сказал
неизвестный и взял учительницу за руку

Глава 21

– Что с тобой, Ксаверий? – произнесла Рашель с вызовом и высвободила руку, – Твоё амикошонство граничит с наглостью.

– Кто бы говорил? Разве не ты целовалась со мной на набережной?, -усмехнулся он, состроив гримасу, выражавшую крайнюю степень снисходительности.

– Я жалею об этом, -вздыхнула она, -Впрочем, довольно воспоминаний! Ты хотел поговорить со мной о каком-то деле?

– Я хочу понять, как ты когда мне относишься...

Неужели ты все забыла, Рашель? Неужели наша любовь осталась в прошлом? И нас ничего не связывает, кроме печальных воспоминаний?

– Любовь? Это с моей стороны была любовь, а с твоей –один денежный интерес. Давай не будем сотрясать воздух воспоминаниями.

– А ты изменилась, Рашель, огрубела среди своих машинистов и обходчиков. Где нежность и загадочность романтической барышни, тоже в прошлом?

– Ты меня утомил, Ксаверий. Если тебе ничего не нужно, то нам лучше разойтись.

Рашель сделала вид, что уходит, но Стоцкий остановил ее.

– Помоги мне, Рашель, -выдохнул он- Хотя бы в память тех дней, когда мы были счастливы, помоги.

– Какая помощь тебе нужна, -помедлив, спросила она, – Мне казалось, если ты два года успешно скрывается от полиции, то...

– Это ничего не значит, -быстро произнёс Ксаверий, – Пойми, они использовали меня и... предали.

Видно и в самом деле он чувствовал себя загнанным в угол, если решился попросить помощи у бывшей возлюбленной – такая мысль промелькнула у Афони, ставшего невольным слушателем душевных излияний лица, находящегося в розыске.

Он поведал, что, как только полиция заинтересовалась им в связи с убийством Тани, ни один эсэр не захотел протянуть ему руку помощи.

– На твои деньги я рассчитывал доехать до Санкт Петербурга и там затеряться, но заболел в дороге, и меня сняли с поезда. Я не хотел в земскую больницу: там непременно спросили бы паспорт. Я пошел, куда глаза глядят, и упал на дороге. Очнулся в окружении монахов. Мне потом разъяснили, что ссадили меня на Озёрной, а там недалеко до Елизаровского монастыря. Выздоровев, я остался послушником.

Рашель недоверчиво хмыкнула:

– Ты пытаешься меня убедить, что православные монахи приняли у себя католика?

– А кто спрашивал у меня документы? – ответил Ксаверий вопросом на вопрос. – То есть, конечно, спросили, как мое имя, и я сказал "Василий Смирнов,».

– Ну, Василий Смирнов звучит почти так же, как Иван Иванов. Не думаю, что они тебе поверили.

– Однако оставили у себя. Я много размышлял, Рашель, почему так случилось? Вероятно, сам Бог привел меня в монастырь, и я затаился. Возврат к прошлому уже был невозможен.

– Ты раскаялся?

– Я затаился.

– Значит, ты богохульствуешь, если пользуешься приютом у монастырской братии, - скептически произнесла Рашель, - А сам не веришь ни в бога, ни в черта, а лишь в террор. А теперь ты вынужден ломать комедию, якобы молясь.

– Якобы?, - повысил голос Стоцкий и тут же перешёл на яростный шепот, – Если хочешь знать, я молюсь искренне, ведь, как ни крути, Таня... Я хотел только попугать, а потом понял, что она не дышит.

– Ради бога, без подробностей, - Рашель резко остановила его, - Ты не на исповеди, а я не твой духовник. Что тебе от меня надо? Денег?

Ксаверий молчал, а Рашель чувствовала, как в ней закипает злость на него и на саму себя. Ну надо же быть такой ду-

рой, чтобы, получив записку от анонима, пойти на встречу. Романтики захотелось? Приключений? Полагала, у памятника тебя будет ждать неизвестный возлюбленный, принц крови, а это оказался Кешка Стоцкий. И он тоже считает тебя дурой, иначе не посмел бы появиться с просьбой о помощи. Да и рассказы его не заслуживают доверия: чтобы Кешка проводил дни в постах и молитвах? Невозможно! Кстати, если этот тип – инок, то почему он в цивильном?

– Почему ты не в рясе? – спросила она, – Откуда ты взял эту одежду?

– Это мои вещи, – ответил Ксаверий. – Все это время я хранил их в келье. Монастырь – не тюрьма, Рашель, игумену в голову не приходит устраивать шмон.

Она скривилась, услышав слово из воровского лексикона, а он продолжил:

– Эта жизнь не для меня, Рашель. Я не могу провести всю жизнь, скрываясь за монастырскими стенами. Мне душно там, я хочу уехать за границу начать все сначала, но мне нужны деньги.

Рашель усмехнулся: этого и следовало ожидать! Зачем он вспомнил о ней? Только ли ради денег? А все эти разговоры о любви – не более, чем прощупывание почвы. И, хотя ее самолюбие ранено, но, для того, чтобы избавиться от Ксаверия, она готова заплатить ему.

Пусть провалится в тартарары ее прошлое в лице красивого поляка, вот бог – а вот порог! Она долго, задумчиво смотрела на него, а потом промолвила:

– Я достану деньги. Завтра. Здесь же, в это же время.

Она отчеканили каждое слово и ушла, не оглядываясь. Через минуту за нею последовал Стоцкий.

И только, когда они скрылись из вида, Афоня покинул своё убежище. Он находился в возбуждённом состоянии от того, что наконец-то появился материал, который непременно заинтересует Мухина.

Глава 22

На другой вечер Стоцкого арестовали, как только он проник на территорию депо. Его взяли без шума, и Рашель, ожидавшая Ксаверия после уроков, одна, в пустом классе, недоумевала, куда он мог подаваться. Через час она вышла на улицы и сразу же увидела отца.

Лев Абрамович стоял в нескольких шагах от входа в школьное здание и смотрел на дверь. Он был одет в английское пальто из чистой шерсти и дорогую шляпу, в руках держал трость.

Появление отца в депо стало для Рашель сюрпризом по разным причинам: во-первых, совпала с исчезновением Ксаверия, во-вторых, шло вразрез с договоренностью о невмешательстве родителей в ее личную жизнь, и в-третьих, отец соблюдал субботу, вечер пятницы проводил в семье и нарушить это правило могла разве что угроза банкротства. Кроме всего прочего, отец был зол: это читалось в его отяжелевшем напряжённом взгляде и сжатых в ниточку губах.

Рашель удивилась, чем же она прогневила папеньку? Если предположить, что он узнал про Ксаверия и про деньги, то эта сторона дела не должна его касаться. Она взяла некоторую сумму из собственных накоплений. Допустим, он догадывается, что Ксаверий никогда в жизни не вернёт ей долг,

но пусть это будут ее потери, а не папины. Нет, видно дело не в деньгах, то гда в чем?

И вдруг Рашель осенило:, что-то случилось дома, иначе отец не приехал бы за ней!

– Папа!, -воскликнула она и стремительно подбежала к нему. – Скажи, дома все в порядке? Ничего не случилось?

Она замолчала и заглянула в его глаза. Через секунду поняла, что ошиблась.

– Домна ничего не случилось, -подтвердил Лев Абрамович, -Я заехал за тобой, Рахилечка.

Он оглянулся по сторонам и продолжал:

– Я бы не хотел разговаривать о серьезных вещах на улице. Давай выясним все дома, а пока – поторопись: возле выхода на перрон нас ждут. Я вызвал экипаж.

Напрасно Рашель пыталась разговорить отца по дороге: он упорно молчал, сделав вид, что дремлет. Дома же он дал волю гневу.

– Негодная! – кричал отец, -Если тебе наплевать на фамильную честь Баренбойм но, вспомни хотя бы о моём торговом деле. Никто не захочет даже приблизиться к семье арестантки!

– Папа, я не понимаю тебя. Что я сделала? И о какой фамильной чести ты говоришь, мы же не дворяне? – лепетала дочь, втянув голову в плечи, словно ожидая удара.

Лев Абрамович не унизился до рукоприкладства, хотя, честно говоря, Рашель заслуживала хорошей порки.

– О, значит, ты не представляешь, что такое фамильная честь? Тебе не все равно, что имя Баренбоймов будут трепать по всем углам из-за того, что ты связалась с уголовником? С этим эсэришкой, бомбистом! Допрыгалась, голубушка, ведь, если бы не я, ты бы уже сегодня сидела в кутузке!

– Лева, не травмируя Рахилечку, – заступилась вдруг мама, и это тоже было странно: во всех домашних спорах именно отец выступал в роли адвоката старшей дочери, – При чем тут фамильная честь? Мы же не какие-нибудь князья Полоцкие или Радзивиллы.

– Молчи уж, если ничего не понимаешь, – отмахнулся от нее рассерженный Баренбойм, – Я двадцать лет в торговле, и моя репутация такова, что люди доверяют мне большие деньги без расписки под честное слово. И я ни разу никого не подвёл. А кто доверит деньги отцу арестантки? Гевалт!

И покрасневший Лев Абрамович поведал семье, что утром в контору явился некий Мухин из охранки и сообщил, что из донесений агентов ему стало известно, что в городе обретается Ксаверий Стоцкий, предполагаемый убийца губернаторской дочери, успешно скрывавшийся от правосудия в течение двух лет.

– И, между прочим, хороший знакомый Вашей дочери Рашель, – добавил Мухин, многозначительно глядя на Льва Аб-

рамовича.

Баренбойм не стал бы миллионером, если бы не умел в доли секунды принимать решения. Он моментально вынул из ящика толстую пачку денег и положил перед агентом.

– Не соблаговолите ли просмотреть документы, которые доказывают, что между этим, как его, Стоцким, и членами моей семьи нет ничего общего, -произнес он.

Мухин тоже умел принимать решения без долгих размышлений. Быстрым жестом он смахнул деньги в карман плаща.

– Похоже, Вы меня убедили, – согласился он, -Полагаю, будет лучше отправить Вашу старшую дочь куда-нибудь на курорт, пока идёт следствие. Стоцкого мы поймаем вечером, он придет к Вашей дочери за деньгами. Я могу арестовать его, как только он вступит на территорию депо, но я не могу заткнуть ему рот, если он начнет давать показания против Рашель Львовны.

Баренбойм похолодел внутри.

– Она... тоже причастна к убийству? – с трудом выдавил он из себя, чувствуя, как в горле у него пересохло.

– Да ну, что Вы, конечно, нет, -морщась, проговорил Мухин, -Но, согласитесь, добропорядочные граждане должны помогать ловить врагов Империи, а не наоборот!

Лев Абрамович понял с полуслова и выписал чек на кругленькую сумму, «чтобы наша полиция имела все необходимое для поимки преступивших закон.»

Заручившись словом Мухина, что имя его дочери не будет упомянуто в полицейских протоколах, он немедленно поехал за нею в школу при депо. Он оставил экипаж на при вокзальной площади, а сам через дырку в заборе пробрался на охраняемую территорию. Слава Б-гу, его никто не видел, иначе не избежать вопросов, а что же делает господин в дорогом пальто среди складов и пакгаузов?

Лев Абрамович стал невольным свидетелем ареста Ксаверия Стоцкого: он наблюдал за происходящим, притаившись у старого сарая

И лишь только полицейские увезли задержанного, напряжение этого трудного дня отпустило его. И тогда он решил последовать совету Мухина и отослать Рашель, куда подальше, но не на курорт.

– Поедешь в Барановичи к тете Фесе, – отчеканил отец, обращаясь к дочери, – И выйдешь замуж за Метра Канторовича, он давно положил на тебя глаз, к тому же, сложив наши капиталы, мы займём весь рынок на северо-западе.

И, не давая ей возразить, добавил:

– Собирайся! Утро дадим телеграмму, а в пять вечера уедешь Львовским поездом. И не надо возражать – я так решил!

Глава 23

Ранние осенние сумерки спустились над Песчанском. Тьма после ясного солнечного дня казалась особенно зловещей, а свет газовых фонарей придавал лицам прохожих бледности.

Львовский поезд, прибывший из столицы, появился внезапно, возникнув из чернильного мрака – темной полосы леса на горизонте. Он сразу заполнил собой все пространство, оглушил всех стуком колес, а от его светящихся окон на перроне стало светло, почти, как днём.

Лев Баренбойм провожал Рашель в Барановичи. Мать и сестры остались дома, он не позволил им поехать на вокзал. Рашель, находившаяся под впечатлением прощания с ними, хмурилась, чтобы сдержать слезы. Умом она понимала поступки отца и даже оправдывала его, но, видит Бог, как ей не хотелось уезжать, а тем более выходить замуж за Меира Канторовича. Неужели все закончилось – работа, ученики, революционный кружок? Отныне ее жизнь будет ограничена домом и наполнена заботами о семье.

Для некоторых это единственно возможный путь, но Рашель всеми силами пыталась избежать этого – поступить в университет, работать, стать независимой. Теперь об этом нечего и мечтать: замужняя женщина зависима, а в семейной иерархии занимает последнее место, пропустив вперед

мужа, детей, свёкра, свекровь и даже домашнюю скотину. И ладно, если бы она любила Меира, он ей не противен, но не более того. Как только пассажиры, ехавшие до Песчанска, покинули вагоны, Рашель коротко поцеловала отца и поспешила внутрь. Она не хотела дольше оставаться с отцом, боясь, что он замучает ее наставлениями и поучениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.